

Кова Крэйсид

Гнездо страха

Кова Крэйсид
Гнездо страха

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Крэйсид К.

Гнездо страха / К. Крэйсид — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Вот что ты получаешь, когда даешь своему сердцу победить. В свое время американская певица спасла меня от чувства одиночества и, можно сказать, спасла мне жизнь. Вдохновленный ею, как совершенством, в которое я никогда не верил, я решил написать книгу. В этой книге сплетаются мой жизненный опыт, подобие виртуального мира одной из онлайн игр, и фэнтези о недалеком будущем. Некромант, с которым я себя отождествил в этой книге, не верил в понятие "избранный" и, заняв его место, перевернул мир. Хоть кто-то должен это сделать, раз уж у меня это не особенно получается.

Кова Крэйсид

Гнездо страха

ГНЕЗДО СТРАХА

Интерлюдия

Она была цветом, а он – звуком. Долгие тысячелетия они существовали отдельно, неспособные определить существование друг друга. Их разделяло одиночество – невидимая воронка, засасывающая в себя любые признаки проявления чувств этих двух, столь непохожих друг на друга существ.

Но вот однажды одиночеству надоело выполнять свою роль. Впитав в себя миллионы разных образов, ему стало интересно найти своё отражение, и оно решило устраниваться.

Произошёл великий взрыв, породивший вселенную. Пространство, с помощью которого звук и цвет смогли соединиться и принять форму.

Это были два идеальных создания, вихрем носившиеся вместе по вселенной и создававших разные, но всегда прекрасные миры.

Спустя какое-то время они поняли, что одиночество стало их частью. Частью их памяти. Им захотелось разделить с кем-нибудь их чувства, а также проверить их на прочность. Хотя они в друг друге не сомневались ни на мгновение, они решили выпускать одиночество ненадолго на волю. Так они придумали игру, в которой они каждый раз рождаются без памяти и, при определённых условиях, ищут друг друга.

– Теперь ты все видишь? Какой я нравлюсь тебе больше всего?

– Моей. Но абсолютно не похожей на меня.

– А что, если я стану непорочным ангелом? Ты найдешь меня?

– Я найду тебя при любых обстоятельствах. Даже если стану воплощением зла.

«Тем, кто не слышал музыки,
танцующие казались безумными».

Глава 1. ПРИЗНАНИЕ ЧРЕВАТО

Она, конечно же, знала о моих внезапных, беспочвенных страхах, но все же повела меня в цирк. Бабушка. Она была мне тогда даже более дорога, чем мать, она всегда одаривала меня своей любовью и заботой настолько, насколько было в ее силах и кошельке, скудно пополнявшемся небольшой пенсией, что я очень ценил. Она считала нужным принимать постоянное участие в моем воспитании и навещала меня каждые выходные. В один из таких выходных мы и пошли в цирк. Мне было четыре года и то, что я там испытал, было первым большим потрясением в моей жизни.

Я не помню ни того, как мы туда доехали, ни названия цирка, ни даже того, во что я был одет, вообще, в таком возрасте человек мало чего запоминает, но я неплохо запомнил цирковое шоу и уж точно никогда не забуду того, что посреди него повергло меня в ужас.

Выступление циркачей началось с речи клоуна, который представил себе, что он умер и лежит в гробу. Ему было интересно, сколько человек придет на его похороны, и он увидел, а вместе с ним и все зрители, что оплакивать его смерть пришло очень много народу. Со всего света к нему стали стекаться разные акробаты, иллюзионисты, друзья-клоуны и звери, которые устроили грандиозное шоу с трюками, хореографией и музыкой.

Я так сильно увлекся этим завораживающим зрелищем, что не заметил, как из моего носа начала течь кровь. Не заметил, или еще, так сказать, не понял, что со мной что-то не так, поскольку нос был заложен, и кровь приходилось рефлекторно глотать.

После представления, имитировавшего похороны шута, начался рассказ о победе девочки в мир грез и воображения. А после рассказа началось главное шоу, называвшееся «Заркана». В ней главный герой, волшебник Зарк, потерял свою возлюбленную, а вместе с ней и свой магический дар. Чтобы вернуть свою любовь, Зарк отправился в неизведанный фантастический мир, представленный циркачами в виде волшебной сказки, на фоне которой играла добрая, но временами грустная мелодия.

И вот, когда музыка достигла своего апогея, в моей голове словно что-то лопнуло, уши мгновенно заложило, а в глазах забегали миллионы белых точек, как это иногда бывает, когда резко встаешь. Рефлекторно подняв брови и закрыв глаза, и открыв их после тяжелого вздоха, я увидел сразу несколько наложенных друг на друга картинок, которые, сложившись воедино, перенесли меня в совершенно другое место. В ушах зазвучал монотонный писк. На заднем плане эхом, издали раздавались приглушенные удары чых-то массивных конечностей и пронзительные стоны с криками. Проморгавшись, я, наконец, смог определить свое местонахождение. Я находился в огромной пещере. Своды этой пещеры, словно подсвеченные изнутри, были испещрены дырами, из которых лилась вода, и время от времени вываливались коконы размером с футбольный мяч. Эти яйца падали туда, где раньше была арена цирка, а теперь находился мелководный бассейн, наполненный смесью воды с кровью, и, разбиваясь, из них вылуплялись не то комары, не то верхоплавки. Эти насекомые-переростки тут же вставляли на воду и начинали всасывать ее в себя с помощью жал. Затем, достигнув человеческих размеров, они приглушенно взрывались, расплескивая вокруг воду. Подняв глаза, я обнаружил причину, по которой в ней появилась кровь. Ею оказалось огромное, этажей пять в высоту существо, которое ударами своих лап вырывало куски мяса из повисшей на стене массы, непонятного рода, похожей на грушу. Масса брызгалась кровью, стекавшей по стене и по телу этого великана, стоявшего по щиколотку в бассейне спиной ко мне. Пытаясь тщательней разглядеть его, я вдруг почувствовал холодное прикосновение рук на своем лице, рук, которые повернули мою голову влево, где должна была сидеть моя бабушка. На ее месте оказался человек, обтянутый вместо кожи металлической сеткой. Нависнув надо мной, он пристально смотрел мне в глаза, почти касаясь своим носом моего. Мои глаза нервно забегали, рассматривая его лицо и руки, на которых я смог разглядеть каждую жилку, каждую вену или мышцу. В его глазах постепенно загорался огонь. Вместе с этим его ладони и мои щеки стали нагреваться, постепенно погружая меня в сон. Я испугался и вырвался. Хорошо, что мое сидение было с краю ряда, всего в четырех ступенях над выходом – бежать было недалеко. Но как только я спустился на тот уровень, где раньше была арена, грохот ударов прекратился, и громадное существо обернулось в мою сторону. Встав на передние конечности в нескольких метрах от меня, и, склонив свою голову, оно застыло, предоставляя мне несколько секунд, чтобы рассмотреть себя. Теперь стоило бы назвать его скорее не монстром, а демоном, так как каждая его черта, запечатлевшаяся в моей памяти, напоминает об этом. Первое, что бросалось в глаза – это раскрытый словно гигантским топором до уровня бровей череп. Далее я переводил взгляд от рогов к иссиня-черным глазам, от глаз – к похожему на человеческий, проколотый двумя кольцами нос, от носа – к отвратительному рту. Отвратительным он был потому, что его верхняя губа была оттянута вверх к носу большими железными скобами, а нижняя – таким же образом вниз к подбородку. Демон зловеще рычал сквозь зубы, которые он стискивал со злобой и такой силой, что на его скулах выступали мышцы. Руки его были полностью, включая кисти и пальцы, сотворены из человеческих черепов, словно приклеенных друг к другу. Ноги были похожи на звериные лапы, возможно льва или тигра. По истечению времени, которое было выделено на короткий осмотр, почувствовав, что он смог внушить присущий ему ужас, демон сделал глубокий вдох и произ-

вел самый громкий и душераздирающий крик, который я когда-либо слышал. И никакой писк или эхо не смогли его приглушить. Я на мгновение остолбенел. Как только крик закончился, демон поднял свою череповую руку и обрушил ее на меня. Не успей я отскочить и броситься к выходу, от меня вряд ли бы что-нибудь осталось, если, конечно, все происходящее было реальным. Но проверять это у меня не было никакого желания, и я со всех ног пустился бежать по коридору, который тянулся сразу за выходом из пещеры и огибал ее вокруг. Внешняя стена была сделана из стекла, сквозь которое пробивался лунный свет так, что пустой коридор, казалось, не предвещал беды. Я почувствовал облегчение. Демон не смог пролезть в коридор из-за своих габаритов, и я побежал дальше. Но не пробежал я и десяти метров, как за спиной что-то упало. Я медленно обернулся и, вздрогнув, попятился назад. В метре от меня, опираясь лишь на два острых кола, торчавших из обрубленных по локоть рук, полз уродливый монстр, подвешенный под потолок длинным, обтянутым кожей шлангом, соединяющимся с обезноженным туловищем. У этого уroda было три пары вертикально расположенных глаз, безумно тарасившихся мелкими зрачками на свою жертву. Острый, без ноздрей нос, из которого рос длинный плавник, проходящий между глаз по лысому черепу и спине, сильно отвисающая зубастая пасть с массивным подбородком и квадратные коробки на месте ушей. «Это» пыталось проткнуть меня своими колами, а я, уворачиваясь, споткнулся и стал передвигаться ползком. Из-за головы монстра я увидел, как ко мне летят те насекомые, которые вылуплялись из коконов, а вместе с ними приближался сетчатый человек. Так вот, они были от меня в каких-то пяти метрах, когда я увидел, что шестиглазый монстр удаляется от меня. Он по-прежнему размахивал обрубками, но что-то сковывало его движения, как будто шлангу, на котором он висел, не хватало длины. Поняв, что у меня появился шанс спастись, я собрал остатки своего мужества и, перевернувшись с локтей на колени, пополз дальше. На моем пути оказался еще один шестиглазый монстр, размахивавший колами. Я откатился в сторону и в очередной раз увернулся от грозящих смертью ударов. Сетчатый человек уже тянул ко мне руки, а насекомые обступали вокруг, когда я вскочил на ноги и побежал со скоростью, с которой еще ни разу в жизни не бегал. На протяжении коридора мне повстречались еще пять шестиглазых монстров, но я каждый раз избегал столкновений с ними. В принципе, это было не очень-то трудно, так как передвигались они довольно-таки медленно. И вот, наконец, словно спасительный свет в конце тоннеля, я увидел знакомую застекленную дверь – выход из здания цирка. Через него я выбежал на аллею, ведущую к автобусной остановке. Вид аллеи ужаснул меня. Вместо деревьев вдоль нее из земли торчали соразмерные деревянные кресты, а фонарям заменой были трехметровые, горящие красно-рыжим огнем, соломенные чучела. Я продолжил свой бег, но вдруг споткнулся и упал на асфальт – что-то схватило меня за ногу. Этим «что-то» оказалась серая человеческая рука, торчавшая из асфальта. Дернув ногой, я вырвался, но не сделал и двух шагов, как меня снова схватили, на этот раз рук уже было две. После еще одного рывка меня схватили уже четыре руки, оглядевшись, я увидел, что вся аллея усеяна этими руками, но делать было нечего, и я попытался сделать еще рывок. Внезапно живот скрутило в спазме и я, схватившись за него, упал на колени. Через несколько секунд передо мной стоял сетчатый человек и, держа меня за щеки, пытался что-то произнести. Тепло его рук расходилось по моему телу, но не обжигало. Неожиданно окружающая картина стала меняться, принимая прежние очертания. Кресты превратились в деревья, чучела в фонари, руки превратились в прах и развеялись в воздухе, а сетчатый человек превратился... в мою бабушку. Тут я распознал тепло ее рук и смог слышать ее голос:

–Джон, что с тобой? Джонатан, куда ты бежишь, слышишь, Джон?

В ее глазах читалась сильная взволнованность. Я хотел сказать, что теперь все нормально, но тут меня снова скрутило в спазме и вырвало. Бабушка отдернула руки, но лучше бы она этого не делала. На меня напала слабость и закружилась голова. Я обмяк и упал на асфальт лицом прямо в лужу крови, которую я только что выблевал. Я даже не подозревал, что во мне

может быть столько крови, мне казалось, что я потерял всю, какую имел. Я знал, что меня вырвало из-за того, что я глотал, а не выплевывал свою кровь, пока длилось шоу и все эти галлюцинации.

Позже, когда я очнусь в больнице, я услышу оправдания моей бабушки, адресованные моей маме:

– Откуда я могла узнать, что у него пошла кровь из носа?– скажет она,– он спокойно сидел, смотрел выступление, как вдруг сорвался с места и понесся на всех парах, как будто за ним гнался сам дьявол. Я бежала за ним так быстро как могла и добралась до него только на улице, где он остановился и упал на колени.

– Всегда говори нам, если что-то не так. Ни в коем случае не молчи!

Даже не поздоровавшись стала наказывать мне мать.

– Скажи, ты опять что-то увидел?

– Да, но так страшно было впервые – отвечу я и расскажу ей ту же историю, какую рассказал вам.

Второй серьезный случай произошел, когда мне было уже одиннадцать. В те годы я учился в средней школе, учился так себе, что, собственно, совсем не удивительно. Я был зажатым, нервным, испуганным мальчишкой. Зажатым, потому что чувствовал себя не таким как все, у меня была заниженная самооценка, и я робел всякий раз, пытаюсь заговорить с девушкой. Нервным, потому что у меня не получалось учиться и общаться со сверстниками. Я все время отмачивал какие-то глупости, потом корил себя за это, как и за то, что я стал причиной развода моих родителей. А если говорить прямо, то из-за моих страхов. В принципе страхи были причиной не только развода, они были неотъемлемой частью моей зажатости и неврозов. О чем мне общаться со своими сверстниками и сверстницами, если у меня нет никаких интересов в жизни, в которой я только и делал, что избегал любой возможности появления у меня каких-либо галлюцинаций. Как мне учиться, если, порой, задавая вопрос, учитель мог превратиться в огромного богомола, надвигавшегося на меня, с целью съесть или, может, порвать на куски. И кем я являюсь в глазах общества, когда на какой-нибудь вопрос или даже простое дружественное приветствие я начинаю трястись и проглатываю язык. Но, однако, я сказал именно "почти" ни с кем не общался, а это значит, что в друзьях у меня все-таки кое-кто был, а именно Найджел Вайс. Он был на год старше меня и общался со мной по двум причинам. Первая-наши семьи дружили между собой и вторая – он мечтал стать программистом и создать крутую компьютерную игру. Я был для него чем-то вроде клада в том смысле, что я предоставлял ему бесконечные образы монстров и вообще всяких страхов, которые он впоследствии старательно зарисовывал. Он и моя мать были единственными людьми, которым я рассказывал о своих видениях.

Ну и, собственно говоря, общение наших семей подразумевало совместные ужины, вылазки на природу, проведение праздников, прогулки и все подобное.

Одной весной Найджелу исполнилось тринадцать, и я с матерью, как обычно, были приглашены на его День рождения. Пройдя пешком два квартала от нашего до их дома, мы к шести часам вечера пришли в дом, где проводился праздник. Все шло как обычно: застолье, море газировки и чипсов, торт со свечами... Взрослые, а их кроме моей матери и родителей Найджела было еще четверо, отсортировавшись от нас – детей, пели песни под гитару и распивали спиртное. В это время мы – семеро друзей Найджела-сидели за компьютером и игровой приставкой. Каждый по очереди пробовал поиграть на подаренной ему электронной барабанной установке, а сам именинник в это время снимал всех нас на камеру.

Что касается меня, то я пошел с кем-то на задний двор играть в настольный теннис и прихватил с собой полупустую двухлитровую бутылку пепси. Настольный теннис – одна из немногих безобидных для меня игр, и я даже не заметил, как за ней пронесся целый час. На небо тихо надвигались сумерки и, хотя мы хотели бы поиграть еще немного, мне пришлось

остановить теннисный поединок из-за заложенного носа и появившегося привкуса крови во рту. «Ощущение, как тогда в цирке» – подумал я в тот момент, но, конечно же, о настоящей причине остановки игры не сказал ни слова. Вместо этого я соврал, что мне захотелось в туалет, и позвал соперника за собой в дом, прихватив уже пустую бутылку пепси. По дороге я наспех соображал, что мне делать, чтобы не напугать никого своим поведением во время галлюцинаций и лужей крови после нее.

На втором этаже находилось несколько комнат, одна из которых принадлежала полугодовой сестренке Найджела. Подсчитав, что мне нужно скрыться примерно на двадцать минут, столько длилась галлюцинация в цирке, я не дошел до туалета и поднялся по лестнице наверх. Свернув в нужную дверь, я забился в угол и стал сплевывать кровь в предусмотрительно сохраненную бутылку из-под пепси. Тишина, окутавшая комнату, начинала действовать мне на нервы, но я вспомнил слова отца: «Силы воли не хватает только у тех, кто верит, что она ограничена» – и я успокоился. Я повторял про себя: «Всего двадцать минут, мне нужно просидеть всего двадцать минут», но с каждой секундой становилось все страшнее. Не знаю, сколько времени прошло, мне показалось, что целая вечность, но момент, которого я с трепетом дожидался, все же настал. Где-то глубоко внутри правого уха что-то смачно лопнуло, перед глазами забегали белые точки, оглушение, писк, и я обнаруживаю себя в новом месте. Как и в прошлый раз окружавшая меня архитектура сохранила форму, но изменила содержание. Стол, стулья, шкаф, тумбочка, вся мебель стала ассиметричной и перекошенной кроме люльки, из которой, спустя минуту тишины, раздался громкий плач младенца. Привыкнув, даже в полной темноте мои глаза смогли разглядеть какие-то тени, сбегавшиеся по стенам к колыбели. Испугавшись за ребенка, я встал с пола, прижав к груди бутылку, подошел к маленькой кроватке... От неожиданности я подавился кровавой слюной и закашлял. Перед собой я увидел самую отвратительную в своей жизни картину: жирные красноглазые крысы пожирали маленькую девочку заживо, а она все кричала и кричала. Вдруг в комнату ворвался свет, это за спиной открывалась кривая дверь. В проходе стояла человекоподобная фигура, голый торс, руки и голову, по форме напоминавшую морду борзой породы собак, сплошь покрывали волдыри и шишки. Ноги до пола были скрыты черным килтом. Этот «борзо-мордый» подошел ко мне, посмотрел на люльку, забрал у меня бутылку и, подталкивая меня за плечо, вывел из комнаты. Смекнув, что скорее всего под обликом галлюцинации находится кто-то из взрослых, искавших меня по дому, и в принципе не особо испугавшись этого облика, я спустился по лестнице и прошел в столовую. Там, в тених приглушенного света, за столом сидели дети с бледной, потрескавшейся кожей. За их спинами стояли родители, их лица были тоже похожи на морды собак. Они выполняли с детьми такое, что у меня невольно возник вопрос: «Откуда, черт возьми, в моей голове берутся такие образы?». Одному разрезали ножом губы, второму забивали молотком гвозди прямо под ногти, третьему стачивали зубы напильником. Четвертому распиливали пилой череп, из-за чего по комнате распространялся одинокий характерный звук. Пятому оттопырили ухо и прожигали в нем дырки раскаленной железной палкой. Шестому... что же было с шестым? Не помню, что с ним делали, но тоже что-то отвратительное. Собственно именинник сидел во главе стола, привязанный к стулу, с заклеенным клейкой лентой ртом и пытался вырваться. «Борзо-мордый» жестом пригласил меня присесть, но при всем уважении к моему другу, я понимал, что не смогу выдержать этого зрелища и как можно внятнее произнес: «Извините, мне пора». Из-за заложенных ушей и писка – это, наверное, прозвучало громче должного. Развернувшись и выйдя на улицу, я побежал в сторону своего дома. Вместо фонарей на этот раз стояли огромные штыки. На их согнутых концах было насажено по три отрезанных головы, глаза которых ярко светились. Деревья были охвачены черным пламенем, из которого вырывались черные листья, как это бывает с искрами, выпрыгивающими из костра. Я бежал, сплевывая сгустки крови на тротуар, вокруг разворачивалась страшная картина, которую я теперь назвал бы «Черной весной», а до дома оставалось два квартала.

Естественно мне было страшно, но по опыту в цирке я знал, что стоит мне разогреться, как я тут же приду в себя. Поэтому я побежал быстрее. Спустя примерно метров триста, как я и надеялся, реальность стала возвращаться на свое место. Легкие приятно жгло и через пару секунд после того, как я остановился, все окончательно пришло в порядок. Дальше я пошел спокойным шагом и восстановил свое дыхание, сокрушаясь при мысли о том, каким, наверное, невежественным поступком выглядел мой «побег» в глазах всех приглашенных. Моя мать отмазала меня перед ними банальной причиной, по которой мне якобы стало плохо. Это вряд ли внесло ясность в произошедшее, но, возможно, это было единственно доступное объяснение, потому как моя мать не любила врать (у нее попросту это не получалось). После того, как отец Найджела, показав ей бутылку на четверть заполненную кровью, спросил: «Откуда кровь в этой бутылке?», моя мать ответила: «Мой сын болеет. Спросите своего, он, может, расскажет, если захочет». Найджелу предоставили выбор: либо он все рассказывает, либо ему запрещают со мной общаться. Он коротко объяснил, что у меня проблемы с тонкими сосудами, а также случаются плохие галлюцинации, какие именно - он умолчал. Позже мы обсудили с Найджелом, стоит ли держать в секрете состояние моего психического здоровья и разрешил ему рассказывать о нем кому он считает нужным. Вследствие этого мной заинтересовались его друзья и появившиеся впоследствии подруги. Другими словами, мои истории дали мне пропуск в его тусовку. Из-за этого в итоге я впервые попал в танцевальный клуб, где со мной произошел третий подобный случай.

Уговорить меня пойти в клуб оказалось делом не особо трудным, хотя и небеззатратным. После долгих споров и уговоров Найджел, на мой взгляд неимоверно расщедрившись, предложил взамен на мое согласие купленную им через Интернет маску Мика Томпсона. Я от этого гитариста просто тащусь, он играет в группе Slipknot. Может, слышали, они все выступают в масках, отражающих разные человеческие грехи. По части музыки у нас с Найджелом вкусы практически одинаковые, во многом из-за того, что с большинством моих любимых групп познакомил меня он.

Я страшно боялся этого похода, не представляя, какие галлюцинации могут ожидать меня в темном, заполненном людьми и незнакомой мне музыкой клубе взамен этой фан-принадлежности.

В итоге я отпросился у своей матери, сказав, что в коем-то веке собрался посетить танцевальный клуб. Выслушав попытку отговорить меня от «столь неудачной затеи», я ответил, что «все уже решено». Дав обещание много не пить и не употреблять никаких наркотиков, ушел из дома в одну из прекрасных ночей того лета, когда мне исполнилось шестнадцать.

Клуб назывался Nokturnal. Найджел выбрал его потому, что вход в него был платный, без дресс-кода и фэйс контроля. А поскольку мой гардероб в силу моего почти полного безразличия к внешнему виду был довольно-таки скудным, в другие клубы меня попросту бы не пустили. Приехали мы на такси незадолго до полуночи. За то недолгое время, которое мы стояли в очереди, я успел немного успокоиться, наглядевшись на красивые тачки и разодетых девчонок. Тогда я нервничал скорее больше из-за того, что не умел, как это говорится, «цеплять» или «кадрить» девчонок, нежели из-за обычных страхов. Но, конечно же, я тратил нервы попусту. Не прошло и десяти минут, как мой друг познакомился с двумя симпатичными девушками, на вид нашего возраста. Расскажу подробнее. Когда мы еще стояли у входа в клуб, до нас стали доноситься приглушенные звуки вовсю разгоравшейся вечеринки. Мы вошли внутрь и тут же подпрыгнули от неожиданности – порыв ветра, исходящий из отверстий в полу, обдал нас с головы до ног. Пройдя тускло освещенный коридор, мы оказались на вершине лестницы у основания которой находился эпицентр вечеринки – просторный танцпол, готовый взорваться от ритмично пульсирующих басов и всеобщей эйфории. Мы спустились по лестнице и утонули в запахах красивых ароматов, которые так и хотелось проглотить, настолько они были приятны. Мерцающий свет создавал впечатление будто перед тобой меняются фотографии. Огромное

двухэтажное помещение с колоннами, куполообразный потолок, стены, украшенные языками пламени разных кислотных цветов, и развешанные повсюду гардины создавали впечатление, будто находишься в таинственном замке с приведениями. Однако, в отличие от моего обычного представления, привидений в виде страшных полупрозрачных духов, эти были вполне осязаемыми и даже более чем очаровательными. Сливаясь в движении с музыкой некоторые из них здоровались, подмигивали или подзывали присоединиться к танцу. Оглядываясь по сторонам, мы быстро добрались до бара. Мой друг был хорошо знаком с барменом, поэтому наше несовершеннолетие не препятствовало доступу к алкоголю. Заказав самбуку, мгновенно осушили стаканы. Найджел внимательно всматривался в толпу. Вдруг, как будто найдя кого-то, он приказал мне ждать здесь и поспешил слиться с толпой на танцполе.

Я заказал коктейль с больше всего понравившимся названием – «Вкус ночи», так как совершенно не разбирался в алкоголе и стал его потихоньку потягивать. Коктейль был отвратительным, но зато как раз к тому времени, как я с ним покончил, появился мой друг и не один, а с девушкой. Девушку звали Энья или сокращенно Эн. Как сейчас помню, она кокетливо сказала: «Приветтики». А после того, как меня представил Найджел, продолжила: «Очень приятно. Я тут не одна, так что вы, ребят, возьмите себе выпивки и подходите к столику вон в том углу, хорошо?»; мы, естественно, поступили должным образом, и, когда приблизились к столику, я узнал в подруге Эн лицо раньше замеченной мною девушки. Подруга Эньи приехала на дорогом Кадиллаке и без очереди, видимо, по знакомству, прошла в клуб. Тогда, увидев ее впервые, я лишь позавидовал ее парню, к которому, как мне представилось, она приехала. Раньше я не считал, что у меня есть хоть какие-то шансы завести отношения с девушками ее уровня – я всегда ставил таких красоток, как она, на порядок выше себя. Но теперь, увидев ее во второй раз, я думал лишь о том, как себя вести, чтобы произвести на нее впечатление. В общем, подружку Эн звали Кэтрас, или, как она просила ее называть, Кэт, и она была просто неотразима. Обе девчонки имели правильные черты лица и были одеты подобающе роскошным девушкам образом. Но именно Кэтрас, одетая тогда в белое платье, подчеркивающее грудь и талию, с разрезом от бедра, открывавшем моему взору стройные, закинутые друг на друга ноги, запечатлели в моей памяти образ роковой женщины.

Найджел завел разговор и некоторое время мы обсуждали обычные для только что познакомившихся людей темы. Кто – откуда, чем каждый из нас занимается, какую музыку и фильмы любит и прочее, и прочее. Затем, наговорившись, мы разделились по парам и пошли танцевать: Найджел – с Эн, я – с Кэт. Последний раз до этого, да и вообще единственный раз в жизни, я танцевал медляк с девушкой в младшей школе и, соответственно, двигаясь в танце, чувствовал себя неловко. Конечно, я старался как мог, но все же иногда останавливался и несколько секунд просто кивал головой, наблюдая за грациозными движениями своей партнерши. Правда продлилось это недолго. Кэт сказала: «Нет, похоже я слишком устала, давай пойдем обратно», и мы покинули танцпол, оставив Найджела с Эн затерянными где-то в толпе. Когда мы сели на угловой диван, у нас завязался разговор, но особо поговорить не получилось. Только Кэтрас объяснила, что причиной ее усталости было непрерывное тусование по клубам, как к нам подкатили двое парней. Спортивной комплекции, среднего роста, одетые в костюмы, они явно посетили клуб не ради танцев:

– Ну привет, Кэтрас, как хорошо, что я тебя нашел, а ведь знаешь, прошла ровно неделя – начал беседу тот, что был с коротким ежиком на голове.

– Привет, Тод, что это значит? – непонимающе спросила Кэт.

– Пора платить деньги. – пояснил он.

– Интересно, за что это? – недоумевала Кэт.

– Как за что? За волшебные таблеточки, которые ты купила у меня в долг – ответил Тод и я немного смутился, невольно подслушивая чужую разборку из-за наркотиков.

– Нет, нет, нет, все было не так! Ты предложил мне пробную, а я попросила у тебя еще четыре для моих знакомых. Ты только сказал «развлекайтесь» и ушел, а те, кому я дала эти таблетки сказали, что ловили кайф и помощнее, поэтому никто не заинтересовался и...

– Послушай, – перебил Тод, – я хотел подзаработать на товаре, за качество которого я могу поручиться, я сам его пробовал. По своей доверчивости я дал товар тебе, надеясь на выгоду, но, в итоге даже не знаю... может ты все съела сама, а я из-за этого понес убытки. Ведь ты умная, богатая девочка, чего тебе стоит заплатить каких-то двести баксов, зачем тебе лишние проблемы?

– Твоя логика не работает.

– Деньги...

– Пошел ты, я ничего тебе не должна! – было неприятно лицезреть грубую сторону натуры Кэт, но я все же был на ее стороне.

– Ты уверена?

– Да, черт побери, я уверена. Забирай свои пустые угрозы и проваливай.

– Ну, смотри сама, я пытался решить все по-хорошему, приятного Вам вечера – Тод сделал паузу, – обоим. – договорил он и, развернувшись, вместе со своим другом ушел.

– Пожалуйста, только не думай, что я типичная наркоманка-тусовщица, – сказала Кэт на мой вопросительный взгляд, после чего последовали оправдания – просто неделю назад моя подруга устроила у себя вечеринку и на ней все что-то употребляли. Мне стало стыдно чувствовать себя слабачкой, надоело строить папину дочку, и я решила поддержать свою компанию. Но, как бы там ни было, я ни за что не позволю себе употреблять тяжелые наркотики и вообще заниматься этим часто.

– А часто это как? – спросил я, и Кэт что-то ответила, но я не слышал, потому что мои мысли были заняты другим. Произошло то, чего я больше всего опасался. Я почувствовал вкус крови по рту. В голове понеслись неконтролируемые воспоминания о предыдущих случаях и осознание того, что сейчас начнет происходить что-то зловещее. Услышав сквозь поток мыслей свое имя, названное с вопросительной интонацией, я поднял глаза на Кэт и вспомнил, что мы вели разговор.

– Извини, мне нужно ненадолго удалиться. – сказал я, увильнув от ответа на вопрос, который, к сожалению, не расслышал. Поставив стакан с коктейлем на стол, я встал и направился к туалету. В мужской туалет или «лью», как его называли в клубах, стояла очередь, поэтому, недолго думая, я пошел в женский. Внутри с одной стороны находилось пять кабинок, с другой – три сушилки для рук и три раковины с зеркалом над ними. Заняв самую дальнюю кабинку, я уперся локтем в стенку и навис над унитазом, который спустя некоторое время стал на четверть красным. В промежутках между кровавыми плевками я услышал, как кто-то вошел в соседнюю кабинку и начал блевать. Тут мне в голову пришла мысль. Спустив унитаз, я развернулся и подошел к раковине, принявшись высмаркиваться. Спустя десяток попыток из моего носа вылетел тромб – кровавый сгусток, закупоривавший мою левую ноздрю. За спиной кто-то прошел, вымыл и высушил руки. Я не обратил на это внимания, продолжая заниматься своим делом. Затем я высморкал такой же сгусток из другой ноздри, но кровь, конечно же, не остановилась и потекла из обеих.

Естественно, я осознавал, что ситуация, в которую я попал чревата последствиями. Поэтому, и еще потому, что мне не хотелось оставаться в клубе во время галлюцинации, я решил покинуть это заведение. Мне нужно было взять туалетной бумаги, чтобы заткнуть ноздри, но, дойдя до кабинки, я остановился. Все произошло в привычной последовательности: хлопок, оглушение, белые точки, застилающие взор, писк, искаженная картина реальности. Протерев глаза характерным движением руки, я обнаружил перед собой дыру вместо унитаза. Из нее в мою сторону по обожженным стенам и полу ползли тысячи клопов, издавая стрекочущие звуки. Конечно, настоящих клопов в реальности не было, ведь они не умеют

издавать такие звуки, если вообще они издают хоть какие-то, да и откуда им, собственно, здесь взяться. Но ни трезвые рассуждения, ни осознание того, что это игра воображения не помогли мне перебороть страх, чтобы протянуться и оторвать от рулона кусок бумаги. Отойдя от кабинки, я вернулся к раковинам, которые покрылись копотью, и не смог оторвать своего взгляда от горящих в зеркале букв, составленных в стихотворении. По мере прочтения зеркало постепенно плавилось, до тех пор, пока оно целиком не превратилось в густую жижу.

Те восемь строк врезались в мою память, как если бы я сам сочинил их:

A child was cursed on the day of his birth
To spend in pain twenty years on the earth
He will loose his love that he wanted to find
Cause diabolical creatures infecting his mind

Every day going lower level by level
Sooner or later he'll meet with the devil
No one will ever hear him screaming
This is the end but death is just the beginning

Конечно же, я не смогу зарифмовать их на русском, но переводится это примерно так:
Ребенок был проклят в день своего рождения
Провести в боли двадцать лет на земле
Он потеряет любовь, которую пытался найти
Потому что дьявольские создания заражают его разум

Каждый день, погружаясь ниже, уровень за уровнем,
Раньше или позже он встретится с дьяволом
Никто не услышит, как он кричит
Это конец, но смерть – это только начало

По первому четверостишью я понял, что речь идет обо мне, поэтому остальные строки заставили меня почувствовать тревогу. «Провести двадцать лет на земле, потеряет свою любовь, встретится с дьяволом», неужели это то, что ждало меня в будущем. Но думать об этом не было времени, стрекот клещей становился все громче и, как оказалось, эти насекомые успели расползтись на пол туалета. Прикрыв рукой кровоточащий нос, я развернулся к выходу и собирался уйти. Но, к сожалению, мне пришлось прихватить кое-кого с собой. На полу под сушилками для рук, прижавшись спиной к стене, лежала девушка. Я подошел, присел на корточки и приподнял чистой рукой ее голову. Это была Кэт, можно было догадаться по платью, но на самом деле неизвестно, сколько девушек носят похожие. Она была все также красива, хотя и ее кожа на лице, руках, ногах стала светло-серой и изошла трещинами в точности, как было с детьми на дне рождения Найджела. Просыпаться она не хотела, я тряс ее за плечо, похлопывал по щекам-бесполезно. Девушка явно нуждалась в полноценном сне, но я не мог оставить ее здесь потому, что ее могли обокрасть. Найдя в косметичке ключи от ее машины, я взял ее на руки и поспешил покинуть клуб. Клещи уже доползли до раковин, из-за чего еще раз умыться мне не представилось возможным. Поэтому, не имея других вариантов, чтобы взять Кэт на руки, не испачкав ее белоснежного платья, пришлось действовать по обстоятельствам. «Конечно, она наверняка разозлится и спросит, какого хрена я не отдал сумку ее подруге и почему не позвал охрану, с которой она знакома, чтобы та вместо меня дотащила ее до машины... – думал я тогда -и наши отношения закончатся, даже не начавшись из-за того, что я не смогу предоставить нормального оправдания, но надежда на лучший исход все же оставалась».

Наслаждаясь запахом ее волос, смешанным с духами, я наконец покинул женский туалет и отправился к выходу в обход танцпола. Пройти нужно было каких-то пятьдесят метров, но покинуть клуб без приключений мне было не суждено. Дорогу мне пригородил «Метис» – так я назвал воплощение моего абсолютного страха, о том, как он выглядит и откуда он взялся – отдельная история, если хотите – могу рассказать ее позже. Придя в безудержный трепет, я был вынужден свернуть и проложить свой путь через танцующую в угаре толпу. Сделать это было трудно и физически и морально. Физически – потому, что я не отличался особой силой. Морально, что естественно, из-за галлюцинаций. В основном раздражало, что у каждого танцующего было по четыре уродливых лица с резкими, не всегда пропорциональными чертами. Они мерцали в такт пульсирующему свету; складывалось впечатление, что все танцующие видят меня с Кэт, но никто не уступал дорогу. Приходилось толкать всех подряд, лишь бы оторваться от «метиса», который, казалось, следовал по пятам. Помимо этого, раздражал пепел, летевший с потолка, немного ниже которого висели горящие барельефы человеческих голов. Искаженная музыка пробивалась сквозь заложенные уши резкими скрипящими, ломающимися, бьющимися и прочими неприятными звуками, вперемешку с которыми звучали голоса на каком-то демоническом языке. Я уже слышал этот язык и раньше, когда слушал свою любимую музыку. Обычно он появлялся секунд на пять, так, что я не успевал испугаться, разве что – напрячься. Тут же он звучал не переставая, в дикой смеси с отвратительной симфонией. Она обволакивала с ног до головы, словно грозя разверзнуться бездной и поглотить в глубины ада. Выбравшись из толпы, я оказался еще перед одним зеркалом, на этот раз размером побольше. Заметив, что с нашими с Кэт силуэтами в отражении что-то не так, я подошел поближе. Вместо себя и своей подруги я обнаружил две незнакомые фигуры. Та, что имитировала меня, была одета в черную шипованную кожу. А та, которая имитировала Кэт, была с кислородной маской на лице и при этом обмотана белыми бинтами, концы которых свободно свисали. Я остановился, но мое отражение не последовало этому примеру. Оно поставило на ноги забинтованную фигуру и вместе с ней вышло из зеркала. Добравшись до меня первым, «кожаный» нанес удар с правой руки и я, отклонившись, сделал шаг назад. Не имея никаких шансов убежать со своим грузом и понадеявшись, что передо мной «чистая иллюзия», за которой не скрывается реальный человек, я сделал шаг обратно и ударил нападавшего ногой в живот. «Кожаный» упал и разбился об пол тысячами маленьких стекол. Увидев, что из зеркала выходят разные люди, я кинул два быстрых взгляда по сторонам и тут же вспомнил, что на этом месте должен находиться выход. Сообразив, что делать и изо всех сил напрягшись, я подтянул голову Кэт и плечом толкнул ее забинтованное отражение прямо на зеркало. Столкнувшись, они оба разбились на кусочки, и я смог беспрепятственно выйти из клуба. Пряча свой взгляд от охраны, паливших прохожих и стоявших в очереди людей, каждый из которых также имел по четыре лица, я, с налившимися свинцом руками, добрал до машины Кэтрас. Далее я положил Кэт на капот, чтобы достать ключ и открыть дверь. Выполнив задуманное, я переложил девушку на заднее сидение, аккуратно, так, чтобы не оставить пятен на бежевом салоне. Сделав глубокий вдох, я уже решил, что самое страшное позади. Тут кто-то схватил меня за шею и потащил на себя. Развернувшись, я увидел перед собой две странных особы. Они напоминали собой животных, вместо одежды они были полностью покрыты слоем шерсти, а на месте голов у них были барьяны черепа. В глазных впадинах, смотревших тогда на меня, горел inferнальный огонь, но все же своими прямоходящими фигурами они убеждали меня в том, что в реальности они – люди. Повисла долгая, тихая бездейственная пауза. Возможно, кто-то из них что-то говорил, но об этом я уже не узнаю никогда. Спустя какое-то время, я получил от одного из них хлесткую пощечину и попытался ответить ударом в область лица. Но, досадно промахнувшись, я получил вдобавок кулаком в живот и скрючился. Второй, стоявший немного в стороне, подошел к машине, взял с заднего сидения сумку, вытащил из находившегося в ней кошелек наличку и, бросив ее обратно, отошел. Первый нагнулся ко

мне и, видимо, что-то произнес. Он ударил меня коленом в нос, после чего в моих глазах все поплыло, а затем добил хуком в левую бровь. Я потерял сознание.

Конечно, произошедшее никак нельзя было назвать приятным, но все же был один незабываемый с положительной стороны момент. Наутро первое, что я увидел, открыв глаза, было лицо Кэт на фоне безоблачно голубого неба. Я приподнялся на руках, оказалось, что моя голова лежала у нее на коленях. Я обнаружил себя на заднем сидении машины. За рулем Кадиллака сидела Эн, рядом с ней был Найджел, и мы куда-то ехали. Рассказав свою версию последних событий, мне удалось оправдать правоту своих действий. Версия была такой: когда Кэт отправилась в туалет, мы разминулись, и мне пришлось сидеть за нашим столиком в одиночестве. Спустя минут десять подошла какая-то незнакомка и сообщила, что моя подруга лежит в туалете. Обнаружив ее в указанном месте спящей, я решил дотащить ее до машины. Там-то рядом с местом парковки мне разбили нос.

– Нет, – сказал я тогда Кэт – лиц обидчиков я не запомнил, – это, собственно, было правдой, но, несмотря на это, она долгое время уговаривала меня подать на Тода и его друга заявление в полицию. Я же упирался, как мог и даже несмотря на упоминание об украденных деньгах, мне все же удалось отговорить ее от разбирательства. О том, что у меня бывают галлюцинации, я, конечно же, промолчал. Сами подумайте, какие у меня шансы завести серьезные отношения с нормальной, уважающей себя девушкой, а тем более такой, как Кэтрас, если она будет знать, что я зажатый, зашуганный неврастеник. В итоге ложь помогла мне сохранить и даже развить отношения.

– Вот это, наверное, и есть мои самые страшные галлюцинации, в остальном мне видятся разные мелочи.

– Какие, например?

– Ну, бывало, у женщин, особенно неприятно это выглядело у старушек, под глазами и поперек щек виднелись красные борозды, как будто у них после слез потекла кровавая тушь. Или за стеклом выключенного телевизора начинало биться, как будто пытаюсь вырваться из тесного заключения, душа какого-то страшного зверя. Я слышал разные звуки, доносящиеся из ниоткуда или сопровождавшие прослушивание музыки, как например те, которые я Вам описал в рассказе о клубе. Иногда я видел внезапно появившихся в воздухе детей с неестественно широко раскрытыми ртами. Они обычно указывали пальцем в мою сторону, из-за чего я поначалу оборачивался и пугался, никого не находя. Бывали даже обонятельные галлюцинации в виде запаха гари, разложений и газов. Потом...

– Ладно, всего пересказывать не надо.

– Да уж, я тут засиделся.

– Да нет, просто это не столь важно, ты мне уже дал обширное представление о своих галлюцинациях.

Повисла долгая пауза.

– Так что ты хотел рассказать про свой абсолютный страх, как ты там его назвал?

– «Метис», я назвал его так не из-за его расовой принадлежности к белым и индейцам, и не из-за схожести с ублюдком, рожденным от собак разной породы, а потому, что это слово определяет смесь чего-либо. В моем случае это – смесь страхов. Это существо, напоминающее мне о них. Появилось оно во сне, мне всегда снятся только кошмары и, конечно же, в каждом из них полно жутких монстров, но этот был для меня особенным. Расскажу о нем так подробно, как получится.

Сон начался с потока мыслей. Как же можно попасть в такую глушь, как Гаморианский лес? В лес забвения, страданий и отчаяния. Эти определения были даны ему из-за того, что люди находят в нем и как они находят его... есть два варианта: либо ты слышал о нем (что очень вероятно, учитывая его дурную славу), но заблудился; либо ты живешь неподалеку и тебе пришлось в нем от кого-то прятаться. В моем случае это вариант номер два...

К потоку мыслей добавились образы. Я захопываю за собой дверь и бегом припускаю по дороге до тех пор, пока она не заводит меня глубоко в лес. Тогда я открываю глаза и осознаю себя остановившимся. От того, как я попал в эту глушь, осталось только воспоминание о беге. Я обернулся с надеждой на то, что меня не преследует тот, кто рыскал у меня в доме. Сзади никого не было, и я продолжил двигаться дальше, но уже шагом. Далеко впереди я увидел маленький костер, разбрасывающий свет вокруг себя и направился напрямик к нему. По сторонам дороги из-за деревьев раздражающе смотрели десятки пар чьих-то желтых глаз. Ускорившись навстречу костру, я увидел, что он сам движется навстречу мне. Вскоре оказалось, что это совсем не костер. Свет исходил от маленького чертенка, у которого на овальной голове вместо волос горел огонь, переливавшийся красными и оранжевыми языками. Внезапно я вспомнил, что такие, как он называются "фоблами". Чертенок, за неимением растительности на голове, изобиловал густым волосяным покровом на лице, руках и ногах. У него были огромные, как в японских мультиках, серые глаза, небольшой обезьяний нос и большая острозубая улыбка, по форме напоминавшая дольку апельсина. Тело скрывала красная футболка, свисавшая до колен, украшенная черными полосками, образовывавшими квадраты. В груди зияла большущая сквозная дыра. Когда фобл приблизился, темнота в радиусе пяти метров рассеялась. Он призывающе махнул рукой, и я, более ничего не боясь, последовал за причудливым, перепрыгивающим с ноги на ногу, зверьком. Спустя десяток шагов, которые во сне обозначали гораздо более долгий отрезок пути, правая сторона леса исчезла, а на ее месте образовалась пустота. Я переключил свое внимание на еле видимый полумесяц в небе и, заглядевшись на него, не заметил, как дорога ушла немного влево. В следующее мгновение я оступился и кубарем полетел в пропасть, у которой, к моему счастью, оказалось дно. Дно с водой, в которую я со всего маха врезался, чуть не захлебнувшись. Когда я вынырнул, мои глаза забегали по сторонам, пытаюсь хоть что-нибудь разглядеть, но я понимал, что моим, суженным от привыкания к свету зрачкам потребуется время, чтобы расшириться и привыкнуть к темноте. Дождаясь этого, я почему-то стал панически бояться потери зрения. Думая об этом, я потихоньку начал различать свои руки, затем ноги, стоявшие по колено в воде, и дно, которое было застлано вырванными глазами, каждый из которых был размером с теннисный мячик. Меня передернуло от отвращения, я сделал шаг назад. Получилось это чересчур тяжело, даже для передвижения в воде. Я поднял ногу и увидел надетый на нее железный башмак с шипами. На шипах были нанизаны те самые глаза. Странно, что я не обратил внимания на свою обувь раньше. Неужели я был в ней с самого начала пути? Как бы там ни было, мне нужно было выбираться из этой ямы. Первое, что пришло на ум – забраться по склону, с которого я скатился. Вариант сделать это путем обычного переставления рук и ног не рассматривался, склон был слишком крутой, поэтому я стал пытаться выкопать в нем ямки. Земля была холодной и твердой, сделать ямки не получалось, из-за чего я бросил свои попытки и решил проверить в яме ли я вообще. Шагая с отвращением по чьим-то глазам вдоль закругляющегося склона, я к своему счастью, увидел растущее из него дерево и свисающие вниз тонкие корни. «Надо залезть по ним как можно выше, – думал я, – а там, может быть, будут еще корни деревьев». Схватившись за один из корней, как за лиану, я сделал шаг по пути наверх и понял всю плачевность своего положения. Причиной была тяжесть башмаков, либо какая-то злая сила тянула меня вниз... может, даже и то, и другое, но больше одного шага вверх я сделать не смог. «Хотя скорее я просто слабак, – стал бранить себя я, – жалкий удохлик, хиляк со сдутыми камерами вместо мышц. Слабак, слабак, слабак!». Отчаявшись выбраться, я побрел поперек ямы. Глубина воды не менялась сколько бы я ни шел, что наводило на мысль о том, что она была создана искусственно. Может, даже специально для меня. Для моей могилы. "Слишком большие затраты сил для такого слабака, как я. Впрочем, какая разница, главное, что мне больше никто не надает по морде." – подумал я, почему-то вспомнив, как впервые подрался. Вдруг передо мной из воды выросла фигура грозного на вид мужика. Его по бодибилдеровски накаченные мускулы, лысый череп и орлиный, неизвестный

мне профиль, освещались слабым голубым светом луны и давали мне понять, что мои дела плохи. Столкновение с таким противником, как он не сулило мне никаких шансов. "Шансы. Ха! Да такой бык, как он разорвет меня на части." Мужик, в чьих глазах я, вошедший при его виде в ступор, выглядел беспомощной жертвой, двинулся на меня. «Пусть бьет сколько хочет, лучше умереть от побоев чем от удушения. – проносится в моей голове, и уже в следующую секунду две могучие руки вцепляются в мою шею и опрокидывают меня в воду. Я задыхаюсь, брыкаясь и пинаясь, на удары не хватает замаха, но и они бы тут не помогли. Прокручивая в голове последние события, я вдруг натываюсь на мысль, прозвучавшую в моей голове, как откровение: «Ведь это три вещи, которых я больше всего боюсь: потери зрения, насилия со стороны более сильного человека и смерти от удушья. На мгновение я почувствовал себя в состоянии невесомости, а по его истечению обнаружил себя катящимся, как на ледянке, вниз по сточной трубе. Вывалившись из нее вместе с незнакомым мужиком, я быстро вскочил на ноги, собравшись бежать куда глаза глядят. Но не тут-то было, в железных башмаках далеко не убежишь. Но спасение пришло отсюда, откуда не ожидал. Пара дюжин огнеголовых фоблов сбежалась со всех сторон, держа в руках разные заточенные и заостренные орудия. Первые удары, нанесенные незнакомцу, не возымели мало-мальски положительного результата, громадный мужик раскидывал чертят во все стороны, но, постепенно, количество перешло в качество и поединок завершился победой моих спасителей. Однако на этом шоу не закончилось. Сзади раздался звук переключавшегося рубильника и недалеко от меня зажегся свет над операционным столом. Фоблы взяли на свои маленькие ручки труп незнакомца и перенесли его на этот стол. Затем последовали разные операции, в суть которых я не стал вдаваться, стоя на расстоянии в ожидании их завершения. Когда это случилось, подбежал один из фоблов и поманил меня за собой, как до этого в лесу. Я подошел на расстояние двух метров, как вдруг операционный стол принял вертикальное положение, представив моему зрению картину моих самых больших страхов, объединенных в одном – абсолютном. Тело убитого было полностью изуродовано и частично изменено: глаза были выколоты и зашиты, нос был наполовину отрезан, от него остались только две ноздри да кончик, нижняя челюсть отсутствовала, из-за чего язык свободно болтался в воздухе, на месте кадыка была дыра, у правой руки от локтя росли щупальца, как у осьминога, а пальцы левой были заточены, как иглы. Каждая черта говорила мне о том, что это существо, которому я еще не дал названия, может сделать со мной. Оно ожило, конечно же испугав меня, но было не в состоянии причинить мне вред, будучи привязанным многочисленными ремнями. Наглядевшись вдоволь на этот ужас во плоти, мне захотелось, чтобы его спрятали как можно дальше, что и случилось. Фоблы взяли за появившиеся ручки и на появившихся колесах покатали стол по темному коридору. Остановившись в конце, чертики по очереди громко захлопнули семь двухстворчатых железных дверей, последняя из которых разбудила меня, закрывшись прямо перед моим носом.

– Вот такой вот сон. – сказал я.

– Сколько лет тебе тогда было?

– Когда он приснился, мне было четырнадцать, за два года до того, как я посетил клуб.

– А как у тебя вообще получается так подробно все это помнить? Это как-то неестественно.

– Не знаю. У меня фотографическая память на все, что касается моих страхов. Я помню все так четко, будто кто-то хочет, чтоб я помнил. А так красочно рассказывать у меня получается потому, что я делаю это далеко не в первый раз.

– Ясно. Ну что ж, все это, конечно, поразительно. И я готов признать, что даже в такой рационально мыслящий ум, как мой, закрадываются мысли о причастности дьявола ко всем этим случаям. Но все же есть еще одна вещь, о которой вы должны мне рассказать. Как, по-Вашему, дошло до того, что Вы сюда попали. Хотелось бы, конечно, чтобы Вы продолжили с того момента, как побывали в клубе.

–Без проблем.

Глава 2. ПОСПЕШИВ НАВСТРЕЧУ МЕЧТЕ.

После знакомства с Кэтрас мы встречались около года. Видясь три-четыре раза в неделю, мы отправлялись гулять по какому-нибудь парку, иногда ходили в кино, которое я раньше боялся посещать... ели в фастфудах и ресторанах, катались на машине по городу... в общем, делали все, что делают обычные тинейджерские пары. Хотя гораздо чаще мы встречались на баскетбольной площадке, находившейся неподалеку от моей школы. Там собиралась наша команда, в которую входили Кэт, Эн, я и Найджел с его друзьями, ставшими и моими тоже. Мы играли в «Тридцать три», сокс или карты время от времени попивая газировку, поедая всякие чипсы, орешки и сухарики и постоянно болтали обо всем на свете. Это были самые беззаботные дни в моей жизни, даже несмотря на то, что наши отношения с Кэт были неполноценными. В них не было секса. Меня это совершенно не волновало, и, хотя по идее должно было, я, наоборот, думал, что моя девушка будет горда тем, что для ее парня в отношениях секс не играет главенствующую роль. Хотя мне всегда виделось это с другой стороны. Я никогда не думал членом в том понимании, что считаю секс само собой полагающимся явлением, а не целью. Единственный недостаток в этом – резонанс между чувствами, которые я испытываю и реальными отношениями. Потому как в силу своей наивности я представляю себе развитие сценария больше, чем развиваю его в жизни.

Нам говорили, что мы отличная пара, мы никогда не ссорились, у нас было схожее чувство юмора, мы обожали целовать и обнимать друг друга, и мне этого было достаточно. Я считал, что эта любовь взаимная и вечная, и даже ни к кому ее не ревновал, когда она уезжала тусоваться по клубам, в которые я решил больше не ступать ногами. Напрасно. Через полгода после знакомства с Кэт, она прямо спросила хочу ли я секса. Я ответил, что ей решать будет ли он у нас, на что она ответила лишь «Понятно». Мы больше не возвращались к этому вопросу, а наши на самом деле затянувшиеся в своей платоничности отношения, сумели продержаться еще полгода. Но то, какими они были, я смог понять только через несколько месяцев, проведенных во все более и более депрессивных раздумьях. Это состояние было для меня новью, но, так или иначе, я уже давно шел к нему навстречу, а расставание с Кэт лишь переполнило чашу моего относительного спокойствия. Поначалу, после того как она позвонила и сказала, что нашла себе другого, я не почувствовал ничего. Но после пары-тройки недель, я поймал себя на мысли о том, что не способен вести серьезные отношения. Мне задавали вопросы вроде «Как ты себя чувствуешь после расставания?», а я отвечал: «Все нормально», хотя на самом деле сильно переживал. Оправдываясь перед самим собой, я списывал все на свою неопытность и неуверенность и почти полностью успокаивался, но вскоре настал переломный момент. Моя мать подвела черту под тем, что мы с ней обсуждали последние три месяца. Она сказала:

– Мы переезжаем в Москву к бабушке.

Нет не к той, о которой я уже упоминал, а по линии матери.

– А как получилось, что ты с семьей жил в Америке, когда твоя бабушка живет здесь, в Москве?

– Мой дед – потомственный американец, решил найти себе красавицу из России, в стране, как всем известно, славящейся такими женщинами. В итоге он женился на Оксане Смирновой, моей бабушке. Она собиралась выучить английский и переехать на родину мужа, но через год, когда родилась моя мать, передумала. Дед развелся и вернулся на родину с дочкой, а бабушка осталась жить одна в Москве.

– Ясно, продолжай.

– У старушки был инсульт, из-за которого у нее отнялась левая половина тела, и моя мать собиралась провести с ней ее старость. Конечно, у меня был вариант переехать к отцу,

который меня недолюбливал, но это было равносильно переезду в другую страну. Мне все равно пришлось бы расстаться с друзьями, сменить город, школу и дом. А раз уж я, на такой непредвиденный случай, вторым языком в школе выбрал русский и мне не хотелось предавать маму, жить с которой я так привык, моим решением стало переселение в Москву.

Скромно справив свое семнадцатилетие, я распрощался со своей компанией и следующим днем отправился в Москву. С того самого дня, как я обосновался на Профсоюзной улице, меня стали преследовать мысли о том, что рано или поздно я так или иначе умру. словно однажды вкусив диковинный аромат, я, навсегда запомнив, не смог забыть о нем. Этот запах, аура бренности всего сущего, витал в комнате моей бабули, напоминая о том, как коротка жизнь. Аура в сочетании с последними событиями и смысловой нагрузкой текстов моих любимых песен, заставили меня задуматься над причинами происходившего вокруг.

Конечно же, определить причину нашего временного пребывания на земле и способы появления микроорганизмов, воды и воздуха на ней я не смог, но зато мой самоанализ открыл мне глаза на многие вещи.

Первое мое открытие было связано со статьей в каком-то журнале, которую я прочитал задолго до того, как я обосновался в Московской школе под номером двенадцать шестьдесят три. В статье, как мне помнилось, говорилось, что у каждого мужчины есть список запросов к женщине, и этот список пополняется всю жизнь. Журнал советовал выбросить этот список и не искать в своей второй половинке то, чего ожидаешь, а постараться рассмотреть то, что есть. Ведь это не заказ в ресторане, а женщина, и что лучше в следующий раз расстаться со своими иллюзиями, а не со своей подругой. Вспомнив это, я осознал, что своих одноклассниц до и вообще всех девчонок я сравниваю с Кэт, пытаюсь оценить даже просто по внешности, насколько мне будет хорошо с той или иной. Мне не хотелось опускать планку. Моя новая девушка должна была быть лучше предыдущей. Озабоченный этой идеей, я не понимал, что так никогда не смогу забыть Кэтрас. Я начал видеть ее лицо в каждой черноволосой девушке. Затем я понял, почему меня стали напрягать прогулки по паркам и улицам города, которые я так или иначе совершал по пути в школу или магазин. Все они напоминали мне о ней, будь то пустая скамейка или проезжающая мимо белая машина, реклама нового фильма или какого-нибудь алкогольного напитка, ресторан, клуб или тот же кинотеатр – везде я ощущал ее присутствие... хотя после расставания прошло несколько месяцев. Вскоре меня стало занимать лишь одно – воспоминания о своем прошлом. Я стал прогуливать школу, проводя время уроков в своем подъезде на подоконнике между четвертым и пятым этажами. Вместо того, чтобы заниматься домашними заданиями, я притворялся занятым, а сам рисовал узоры в форме хаотичных кусков мозаики. Иногда я забывал об обеде, реже мылся и все время думал, думал, думал...

Второй вывод, к которому я пришел, заключался, как бы странно это ни звучало, в том, что в отношениях с первой и единственной своей девушкой я вел себя как педик. Конечно, я обманул ее доверие в том, что не рассказал ей о своих галлюцинациях, но был еще один нюанс, который я оставил недосказанным. Я скрывал, а это то же самое, что и ложь, что я стесняюсь своего тела и хотел бы накачаться, чтобы во время первого секса показать все, на что способен. Надо было рассказать об этом, но я, словно не понимая, что понравился Кэт таким, каким я являюсь – малоразговорчивым задохликом, молчал и откладывал поставленную задачу заняться собой на потом, теряя возможность добиться желаемого. А ведь моя робость могла оскорбить чувства Кэтрас, заставив ее сомневаться в собственной привлекательности. Каким же наивным я был в течение целого года, думая, что у нас с ней все в порядке. Мне нужно было видеться с ней не три-четыре, а все семь дней в неделю, нужно было постоянно говорить ей, как она красива и как я ее люблю, и, естественно, надо было дать ей понять, что я хочу ее, а не удовлетворяться петтингом.

Третье и последующие умозаключения касались моей семьи, друзей и моего мировоззрения в целом. Я обнаружил что...

– Так, давай переходи, пожалуйста, к сути. Ты думал, думал и...

– В итоге я дошел до того что увидел себя глазами своего отца. Я понял, чем раздражал его и, добавив к сложившемуся образу все остальные выводы, возненавидел себя. В дополнение к этому я, не получив ни одной весточки от друзей, которым я писал письма в Америку и, так не заведя ни одного нового знакомства, почувствовал себя брошенным и никому не нужным. Началась сильнейшая депрессия. И даже зная, что депрессия мне врет, а она всегда врет человеку, погрузился в состояние апатии и безразличия. Я перестал прятаться во время уроков в подъезде, перестал ходить по магазинам, перестал выбрасывать мусор и, в конце концов, вообще перестал выходить из квартиры. Телевизор раздражал, слушать музыку, прокручивая в сотый раз одно и то же, надоело, компьютера у меня никогда не было, а читать вообще никогда не читал, так что теперь все время я проводил, либо валяясь на кровати, либо сидя на балконе своего третьего этажа. Итак по жизни не веселая мама пришла от моего состояния в отчаяние. У нее начались истерики. Она кричала, плакала, ругалась, гнала меня работать, раз уж я бросил учебу... А я, думая: «Неужели, чтоб стало понятно, как мне плохо, надо говорить об этом» либо игнорировал ее, либо говорил, что-нибудь обнадеживающее, чтобы она от меня на время отстала. Отсидеваясь в своей комнате, я стал упрекать себя во всем на свете и, что хорошо отображало мое тогдашнее состояние, повторял время от времени фразы из знакомых мне песен. Больше всего мне нравились тогда слова, спетые любимой мною группой Raunchy: «In this world we are what they don't speak of, we are damned, soulless». Что дословно переводится как: «В этом мире мы те, о ком не говорят, мы проклятые, бездушные».

Вскоре я утратил способность радоваться. Депрессия начала сопровождаться знакомыми мне галлюцинациями, только на этот раз они не прерывались ни на секунду. За это время я повидал многое, гораздо больше, чем за всю свою жизнь, словно меня заперли в комнате страха и устроили нескончаемое представление. Всего, как Вы просили, рассказывать не буду, скажу лишь, что это был психологический ад. Спустя примерно восемь месяцев пыток я осознал, что стихи, прочитанные мной на зеркале, возвещали правду обо мне. По всей видимости, я действительно был проклят с рождения, мой разум уже давно был заражен демоническими созданиями, а не так давно я потерял свою любовь. Тогда-то я и решил покончить жизнь самоубийством. Ведь какой смысл ожидать свою смерть в мучениях еще два с лишним года, если встреча с дьяволом на том свете неизбежна. Конечно, моя смерть не скрасила бы остаток бабушкиных дней, но я старался не думать об этом и не отлагая вскрыл вены кухонным ножом.

– Тем, который не был опознан среди всех прочих ножей в твоей квартире...

– Не помню, может быть я выбросил его в окно. Но это не важно, главное, что я остался жив.

– И как так вышло?

– Ну, после того как я нанес себе глубокий порез и увидел, как из меня, моей руки хлещет кровь, мне стало дурно. Я открыл шкафчик в комнате матери, которой так же, как и бабушки, восстановившей работоспособность мышц, не было дома, и достал эластичный бинт. Достал, перетянул им руку чуть ниже локтя, вызвал скорую и уже через пятнадцать минут лежал в полуобморочном состоянии на каталке в машине скорой помощи.

– Хорошо, давай подведем итог. Ты решил свести счеты с жизнью из-за долгой депрессии, так?

– В общем да.

– Далее, ты понимаешь, что ты психически не здоров?

– Да, понимаю, что тут еще ответишь? «Нет», значит будешь отрицать очевидное.

– С какого периода ты начал болеть, как ты считаешь?

– Это произошло около года назад, когда я переехал в Москву.

– Осознаешь, что тебе необходимо лечение?

– Не знаю, никогда не думал, что мне помогут таблетки, но вам виднее, так что в этом полагаюсь на вас.

– Замечательно, – медленно произнес мой врач, – как ты, уже успел освоиться?

– Ну так, немного. В принципе не думаю, что после всего мне будет трудно привыкнуть к ограниченному пространству.

– В любом случае не расслабляйся. Будешь вести себя хорошо, переведем тебя из надзорки, разрешим выходить на прогулку, а через какое-то время и вовсе выпишем. Ну, можешь идти, вопросов у меня больше нет.

– Хорошо, – сказал я и уже собирался закрыть дверь кабинета, как вдруг услышал: «Джонатан, вот что я еще хотел спросить: здесь, в больнице, тебя посещали галлюцинации?»

– Как ни странно, пока нет. Видите, я даже смог провести с вами столь длительную беседу и ни разу ни на что не отвлекся.

– Если что увидишь – сразу сообщи мне.

– Ладно.

– Все, иди.

Я проследовал в самую дальнюю от входа в отделение палату и лег на вторую по счету от левого дальнего угла койку, к которой меня пристроили. В больнице я находился уже третий день и успел подготовиться к вопросам врача. Он вышел только сегодня, в понедельник, поскольку по выходным он не работает. В подготовке мне помог Ваня – приветливый парнишка из первой палаты, проходивший экспертизу на пригодность к военной службе. Как только я поступил, он подсел на соседнюю койку и ввел меня в курс дела. Я узнал от него о распорядке дня, о сроках пребывания в больнице, минимальным из которых, к моей наивной радости, был две недели, и собственно о вопросах, которые меня ожидали в сегодняшней пересказанной ранее беседе. В принципе я рассказал врачу всю правду, поэтому готовиться особенно не пришлось, но все же был один момент, который я был вынужден выдумать. Я не самоубийца. Причиной появления пореза на моей руке был не стих, правдивость которого я осмыслил только вчера, не осознание того, что ждать не было смысла и даже не нож, который я якобы взял на кухне, ею было чудо. Да, да, самое натуральное чудо. В эту знаменательную субботу, когда оно свершилось, я лежал в кровати, опершись головой об стену и не шевелясь в изнеможении, наблюдал, как какая-то уродливая тварь наматывает на ворот мои кишки. Находясь все последнее время на грани нервного срыва, я, наконец, пересек эту грань и, заламывая руки, сделал то, что не делал, наверное, с пеленок, я заплакал. Слезы, безысходность моего положения и какая-то толика угасающей надежды, о которой я уже вспомнил в состоянии иступления, заставили произнести несвойственные мне слова: «Боже, молю тебя, спаси меня от этих мучений». Мое первое за всю жизнь обращение к Богу, мой первый шаг на пути к покаянию был вознагражден. В левом верхнем углу поля зрения моих глаз я увидел свет, пробивающийся сквозь стену и потолок погруженной в полутьму комнаты. Я повернул голову к источнику света, но тот ускользнул еще левее и выше. Я опять попытался проследовать за ним взглядом, но тот продолжал от меня прятаться. Это было похоже на блик от солнца, который следует за движением глаз засмотревшегося на него человека. Вдруг я что-то увидел. Осознавая, что это произошло после произвольного моргания, я задумался на несколько секунд, а затем повторил это действие, но уже осознанно и медленно. Повсюду был свет! Очень долгое время я боялся лишний раз закрыть свои глаза и делал это лишь будучи вынужденным жаждой уснуть... Но на этот раз я сделал это практически с экстатическим удовольствием. От увиденного я опешил, но глаз не открыл. Образовавшись из ослепительного золотого света, расширившего до бесконечности границы моей комнаты, откуда-то сверху спустился ангел. Какой возвышенный миг! Белокрылый спаситель был таким же, каким его привыкло представлять себе большинство людей и одновременно невообразимо прекрасным неопишуемым воплощением совершенства.

Она (а ангелом была самая красивая на земле и, вероятно, за ее пределами, девушка) приземлилась, села на корточки рядом с моей кроватью и вытянула к себе мою правую руку. Невозможно объяснить не лицезревшему эту картину человеку причину ощущения гармонии и умиротворения, исходившего от этого божества с рыжими волосами, зелеными глазами и одетого в голубые цвета чистого неба доспехи, подчеркивающие идеальные формы белого, как облако, тела. Но зато любой может ощутить похожий испуг, который она, нарушив сотворенную идиллию, заставила меня почувствовать. Сделала она это легким движением указательного пальца, подушечкой которого она невинно провела по моему запястью вдоль правой руки, таким образом нанеся мне десятисантиметровый порез. Я не почувствовал боли и, чтобы убедиться, что это лишь видение, открыл глаза. Но порез, в отличие от света и белокрылого ангела, которых я не обнаружил, снова опустив веки, был на месте. Обрадовавшись натуральному виду своей комнаты, я на время задумался, забыв про свою рану. Вдруг мне стало очевидно – единственное, что может раз и навсегда избавить меня от видений – это смерть. Как можно после реального контакта с ангелом не поверить в загробную жизнь? Мне нужно было лишь просидеть без действий порядка двадцати минут для того, чтобы раскрыть эту тайну... Но, с другой стороны, неизвестно, может после этого случая я смогу прожить еще много лет нормальной человеческой жизнью. Решение я принял с привычной мне за последнее время неохотой и предпринял меры для спасения, пересказанные врачу. Взяв эластичный бинт зубами и левой рукой за разные концы, я сделал перевязку и вызвал скорую.

Вот как было на самом деле. А дальше мне наложили двадцать швов, обрадовали тем, что сухожилия не были задеты и заставили поговорить с психиатром. За короткое время тот успел убедить меня в необходимости лечь в психиатрическую больницу и заверил, что пребывание в ней будет столь мимолетным, что, покинув ее пределы, я мгновенно обо всем забуду. Об ангеле психиатру, так же, как и в последствии своему лечащему врачу, я не сказал ни слова. Упоминания о длительной депрессии было достаточно, чтобы получить путевку в больницу. Но если этого бы не было достаточно, я не стал бы раскрывать свою тайну. Во-первых, из-за странного суеверия, что в противном случае я больше никогда не увижу своего ангела и мои глюки вернутся обратно. А, во-вторых, не хватало, чтобы лечащий меня врач решил, что я не даю отчета своим действием. Это бы непременно затянуло процесс моего выздоровления. Однако, был еще один необычный случай, которым была знаменательна последняя суббота и о котором я решил промолчать (чтобы не спугнуть удачу). Ночью мне приснился сон, «не кошмар». Он запомнился мне в мельчайших подробностях.

Мечта. Красивая и яркая детская мечта – мимолетное воплощение всего, что тебе для счастья нужно. Большой светлый дом, в котором все гармонично расставлено и все имеет определенное предназначение. Друзья всегда не прочь зайти, и я всегда рад их видеть вне зависимости от занятости и времени суток. Сегодня я собрал всех по особому случаю. Все близкие мне люди рассажены за столы в большой комнате. Все культурно одеты, у всех на лицах улыбки и все взгляды направлены на виновника торжества. Но, к сожалению, этой радостной обстановке не хватает жизни. Все застыли на своих местах, как будто кто-то нажал на паузу. А как же она, та, ради которой я так старался строить этот дом, которую я встретил после столь долгих поисков? Неужели и ее постигла та же участь, что и остальных? Из всех тех, кто меня окружал, только одна фигура сидела ко мне спиной. Я медленно подошел к смиренно сидящей девушке с белыми волосами и аккуратно положил ей руку на плечо, опасаясь, что ко мне обернется не Кэт. Но вместо того, чтобы ощутить прикосновение к плоти, мои пальцы просто прошли ее тело насквозь. Плечо и рука девушки превратились в густой серо-коричневый дым, медленно расплывающийся в воздухе. Я протянул руку снова, и девушка растворилась полностью. Как необычно. Наверное, это тени моего прошлого. Я пытаюсь прикоснуться к другим застывшим фигурам, но всякий раз получаю тот же результат. В итоге вся комната затянулась густым дымом. Задыхаясь, я стал искать выход. Ориентируясь в беспросветном пространстве

наощупь, я шел или, точнее, плыл вперед, но похоже вся мебель испарилась вместе с гостями. Я решил, что окончательно потерялся... Но вот, наконец, я наткнулся на что-то твердое. Это было огромное стекло, за которым в редком лесу отдыхала зима. Пробриться сквозь или обойти прозрачную стену не получалось, и я уже оставил последнюю надежду выбраться из едкого дыма, как вдруг появилась она – девушка-ангел. Совершенная, прекрасная, хрупкая и невинная, это была та самая белокрылая спасительница, которая посетила меня днем ранее. В этот раз вместо солнечного сияния ее окружала белая гармония. Легкий, неколебимый ветром снег ложился на ее роскошные рыжие волосы и плечи. Еле шевеля губами, она заговорила со мной и, даже несмотря на стекло, разделявшее нас, я прекрасно слышал ее:

– Привет, – послышался нежный голос.

– Привет, – ответил я.

– Почему ты не позвал меня на этот праздник?

– Извини, я... я не знал, что ты можешь прийти.

– Я и не могу, но мне было бы приятно получить приглашение от тебя, ведь хотя ты меня совсем не знаешь, я знаю о тебе все.

– Я был бы рад тебя видеть.

– Спасибо. Это может однажды случиться, если ты захочешь этого.

– Я очень хотел бы.

– Тогда до встречи.

На утро воскресенья я пробудился со странным ощущением, как будто я вернулся в свое тело, спустившись с небес на высокоскоростном лифте. Где-то на заднем плане, я не мог определить откуда, звучала расслабляющая музыка с чистейшим и красивейшим женским голосом. Я чувствовал себя так, будто у всех во всем мире было все хорошо и только периодические крики «подъем, встаем с кроватей, просыпаемся», напоминали мне о том, где я, в двадцать первом отделении пятнадцатой городской психиатрической больницы.

У меня не было ни зубной пасты, ни щетки, ни других необходимых принадлежностей, поэтому почистить зубы и побриться я не мог. Это напомнило мне о необходимости позвонить своей матери. Она до сих пор не знала, где я и, наверняка, не слабо разволновалась, обнаружив дома следы крови и не обнаружив меня. Заправив кровать, я подошел к старушке, которая, сидя в кресле, наблюдала за надзоркой и выяснил, что позвонить можно только с разрешения врача, который, работая по будням, проводит утренние обходы, то есть не ранее, чем на следующий день. Не радостная новость, но с этим ничего не поделаешь. Имея ограничения ходить не дальше туалета и малой столовой, я вернулся на свою койку. На ней я сначала прождал до завтрака, который показался мне слишком скудным, затем до обеда, который оказался вполне сносным, пролежал тихий час так и не заснув и дождался несъедобного, на мой взгляд, ужина. Все это время я слышал музыку, которая, вне зависимости от моего местонахождения, звучала одинаково тихо и обдумывал возможность поговорить с кем-нибудь. Несколько человек, несмотря на свой неопрятный вид, казались вполне вменяемыми. Они подсаживались друг к другу, болтали, попивали сок, который хранили на полу у кроватей, читали книжки. Я временами посматривал в их сторону, но всякий раз подавлял появляющееся желание присоединиться к ним, говоря себе, что не хочу заводить друзей-сумасшедших, потому что знакомство с тараканами в их головах может пагубно отразиться на собственной психике. Конечно, хуже, чем то, через что я прошел, мне не станет, но я уже успел для себя решить, что я тихо, послушно отсижу нужный срок в этой больнице, и по возвращению к нормальной жизни никто за исключением моих предков не должен будет знать о моем пребывании в ней. После ужина я решил не разговор с Ваней, до выписки ему осталось четыре дня и за это время наше общение не успеет войти в привычку. Засев в курилке (она была частью туалета) на полчаса, в течение которых я познакомился с тремя пациентами, чьи имена я забыл... я дождался появ-

ления Вани. В руках он держал коммуникатор, поэтому я тут же оставил заготовленный план разговора и задал ему вопрос:

– Вань, здорова, слушай, а можно я позвоню матери, мне только нужно сообщить где я и все.

– Вообще-то мне запрещено давать кому-либо эту игрушку, -ответил он.

– Да брось, это займет меньше минуты. Тебе разрешено с него звонить?

– Ну да.

– Ну значит и мне скоро разрешат, так что это практически не нарушение. Не отберут же его у тебя, в конце концов.

– Ладно, говорить будешь в туалете. Диктуй номер.

– Триста тридцать шесть, восемьдесят три, десять.

– На, иди.

Спрятавшись в углу туалета, я, на родном английском, вкратце описывал маме сложившуюся ситуацию, но, как назло, посреди разговора меня обнаружила санитарка. Коммуникатор был отдан хозяину, а меня препроводили на свое место.

«Конечно, следовало ожидать, что после долгого отсутствия на месте меня будут искать, но почему это не могло произойти минутой позже? Ненавижу делать ошибки и терпеть неудачи. Появляется такое ощущение, будто ты теряешь набранные очки в самой важной игре, которая идет каждую секунду твоего существования. Это, кстати, еще одна причина, почему я не люблю спорт... Мужчина создан не для поражений, а я в этом деле слабак...», – размышления на тему ошибок были прерваны медсестрой, которая сказала, что должна сделать мне укол.

– Что за укол? – спросил я, послушно оголяя свой зад.

– Ты не обязан знать, – сказала медсестра, – это лекарство.

Лекарство, так лекарство-подумал я. Раньше мне делали уколы, но только в плечо-прививки всякие... вряд ли этот чем-то отличается. Ха! Кто бы знал, что через пять минут после него я не смогу оторвать рук от своей груди, мой язык будет вываливаться изо рта и вдобавок, при всем желании, не удастся заснуть в течение часа. Как только я понял, что у меня не получается засунуть язык обратно, мне стало совершенно ясно: «Я – псих, самый натуральный и обычный псих, общения с которым будут стыдиться и избегать, а лекарство привело работу моего мозга в нормальное, пусть и с отклонениями, состояние. Неужели я останусь таким навсегда?» Мне вновь стало страшно, но вскоре я заснул и забыл об этом. Вновь, как в предыдущую ночь мне приснился чудесный сон.

За считанные секунды, проведенные в невысоком полете над землей, я преодолел около двух с половиной тысяч километров, после чего погрузился глубоко в воды какого-то моря. Там, на самом дне, я обнаружил невиданных форм растение, своими корнями уходившее в щель, находившуюся под ним. Словно, наконец дождавшись меня, растение ожило, свидетельством чего было движение его «тела» по замкнутому кругу – так работает гигантский конвейер на какой-нибудь фабрике. На фоне музыки, которую во сне было слышно гораздо отчетливее, чем даже при полной тишине наяву, прозвучали слова: «Сначала ты должна родиться». Я смог распознать голос, он принадлежал ангелу, которого я уже дважды встречал ранее и, скорее всего, это она пела для меня в течение прошедшего дня.

Я проник сквозь дно в расщелину и стал наблюдать за тем, как внутри большого прозрачного яйца рождается непорочное и невинное существо. Сначала, подобно плетущимся венкам, проросли светящимся неоновым цветом синие вены. Затем, словно заполняя форму, потекла жидкость, сформировавшая кости. Дальше в ход пошла трубка, через которую подобно крему из баллончика выдавливались мышечные ткани. Их размер зависел от того, насколько трубка замедляла свое движение над той или иной костью. Мышцы, в свою очередь, самостоятельно покрывались розово-желтой кожей в течение этого процесса, я осознавал для себя абсурдные, на первый взгляд, но на самом деле невероятные, вещи. Стало ясно, как появился первый

человек, и что до того, как он совершил первородный грех, у него не было мозга – его потомки получили в наказание. Я понял, откуда пошло и что на самом деле значило выражение «Голубых кровей», а также, что яйцо появилось раньше курицы. Несколько ставших для меня такими же безоговорочными фактов касались лично меня. «Она решила сойти на землю ради меня, она моя единственная надежда, она та, кого я искал, она – моя вторая лучшая половинка».

Период формирования тела закончился, и яйцо, словно сорвавшийся с рогатки снаряд, пронзило воду до самой поверхности. Вскоре оно было выброшено на берег, и я увидел, как она открыла свои зеленые глаза, похожие на бесценные изумруды.

Я понял, что влюбился и проснулся. Вспомнить сон удалось не сразу, но после пробуждения осталось какое-то сладкое чувство, что-то вроде послевкусия. О том, откуда оно взялось, мне напомнила вода, которой я умывался над одной из раковин в туалете. Но вспомнил я далеко не все, лишь погружение на дно и формирование тела девушки.

Вскоре после завтрака приехала моя мать, благо понедельник был одним из трех дней, в которые были разрешены свидания. Выглядела она грустной, усталой и растерянной, но в разговоре она пыталась этого не высказывать. Спрашивала, те ли вещи она привезла, что мне здесь еще понадобится, какую еду привозить, чем здесь занимаются в свободное время, в какой я палате... в общем до определенного момента она держалась. Но после беседы с врачом стандартно проводимой с одним из родственников при их первом посещении больницы, она сорвалась. С наворачивающимися слезами она начала негодовать о том, что я не подумал, каково ей будет жить без меня. Затем, всхлипывая, стала винить себя в глупости и непредусмотрительности. А после того как успокоилась, окончательно повергла меня в уныние словами: «Может тебе лучше будет с друзьями во Флориде, я вполне управляюсь здесь сама, за меня волноваться нет смысла, а вот ты можешь загубить свою жизнь». Мы говорим на английском, но любой из тех, кто, сидя вместе с нами в малой столовой украдкой сиотрел в нашу сторону, мог понять, насколько мне стыдно. Я чувствовал себя самым большим и вонючим куском дерьма на свете. Даже для того, чтобы обнять и поцеловать свою мать мне потребовалось увидеть, как это делают другие. С детства я был не тактильным к своим родителям, но разве это оправдание?

Закончив свидание своим фирменным обещанием, что все будет хорошо, я отправился на свою койку ожидать очереди на беседу с врачом. На нее я был записан во время обхода, который состоялся чуть раньше приезда матери. Он, обход, был таким быстрым и, как мне показалось, настолько бессмысленным, что даже сейчас, когда я лег обратно на свою кровать, после долгого разговора с врачом и стал подробно перебирать события последних трех дней, он полностью вылетел из моей головы.

Зато в нее вернулось другое воспоминание. Я пересмотрел свой взгляд на тот зловещий стих и задался таким вопросом: что, если слова «He will loose his love that he tried to find» касаются вовсе не Кэтрас, а той девушки-ангела? «Похоже, я влюбился в девушку из своего воображения... но она лишь сон... или?... что, если у меня есть возможность быть с ней здесь на земле? Ведь она исключительно прекрасна и все обо мне знает. Словно созданная для меня. Никаких тайн, никаких комплексов... Она не просто замена Кэт, она та, без которой моя жизнь лишится смысла. Как быть? Что делать? She's a myth that I have to believe in. And I don't know what to do. When she makes me sad. А что, если нам суждено однажды расстаться? Ведь именно об этом гласят строки стиха. Я потерял покой. В моей голове роились мечтательные мысли. Наверное, это и есть безумие, но мне так не кажется. Ведь я контролирую свои мечтания и понимаю всю их наивность, допуская их возможность случиться в реальности разве что с помощью чуда или колдовства. А я ни в то, ни в другое не верю. Я мечтаю о девушке ангеле, но мечтаю не всерьез. Пока.

В тихий час на этот раз я уснул. Сон был снова про девушку-ангела, он был продолжением прошлого сна.

Она ступила на берег и яйцо, потеряв форму, растеклось по земле. Девушка прошла голой около километра под теплым июльским дождем и нашла жилой дом, в который и постучалась.

– Кто там? – спросила хозяйка дома.

– Кто там? – повторила девушка.

– О боже, что случилось? – взволновалась хозяйка, открыв дверь.

– О боже, что случилось? – повторила певучим голосом голая девушка.

– Что ты за мной повторяешь? – возмутилась хозяйка, повысив голос, – если ждешь от меня помощи, то все, что я могу – это вызвать сюда полицию.

– Кто там? – спросил мужчина средних лет – Ох, ничего себе, что ж ты держишь ее в дверях?

– Мы не знаем, кто она и что произошло с ней, – отвечала женщина, – да и она сама, похоже, не знает.

– Как тебя зовут? – обратился к девушке мужчина?

– Как тебя зовут? – мелодично повторила она.

– Ясно, -вздыхнул хозяин дома, – одень ее во что-нибудь, а я сообщу в органы.

Девушка зашла в дом. На этом мой сон оборвался. Он был самым коротким из всех видимых мной ранее (наверное, из-за недолгой продолжительности тихого часа), но вместе с тем самым важным в моей жизни сном. Я почувствовал его связь с реальностью...

«Она решила сойти на землю ради меня». «Она та, которую я искал».

...И, наконец, полностью вспомнил предыдущий сон.

Вечером того же дня мне дали мои первые таблетки. Не разбираясь и не проявляя желания разобраться в их свойствах, я молча засунул их в рот, запил водой из пластикового стаканчика и вернулся на исходную дожидаться отбоя, словно ежедневного телесериала. С нетерпением ожидая развития сюжета, я засыпал. А поутру и после дневного сна жадно вспоминал все его фрагменты, соединяя их в правильной последовательности.

В следующих трех увиденных мною снах с их главной героиней ничего особо интересного не произошло, но мне было дорого каждое мгновение, проведенное с ней или, точнее, проведенное в наблюдении за ней.

На девушку надели розовый халат и угостили горячим чаем, к которому она не притронулась. Полицейские по прибытию допросили хозяев дома и попытались заставить говорить незнакомку, но не добились от нее ни слова. Посадив девушку в машину, они повезли ее в больницу для полного обследования. По дороге один из полицейских позволил себе вульгарность, сказав, что не прочь поразвлечься с такой сексуальной куколкой. Я впервые в жизни сильно разозлился. Мне захотелось врезать этому придурку по морде и посоветовать держать такие мысли при себе, если он не хочет, чтоб его лицо превратилось в кашу. Но, к сожалению, такой возможности у меня не было. Теперь, во снах, я являлся всего лишь бесплотным духом, вездесущим невидимым оператором, который постоянно держит в кадре главные для себя события. К утру эти события завершились на не увенчавшейся успехом попытке психотерапевтов понять, что случилось с девушкой, которая, похоже, даже не осознавала, где она, не говоря уже о том, что она не понимала значения повторяемых ею слов, хотя и произносила она их без акцента. Ее определили в одну из палат и теперь мы оба были под надзором людей в белом.

«Интересно, в каком она городе?» – спросил я себя едва раскрыв веки и отправился чистить зубы. Своего станка, также как принадлежностей для мытья, которое проводилось каждую среду, у меня пока не было, поэтому бритье я пока что отложил, а мыться пришлось без мочалки общим гелем для душа. Вытеревшись больничным вафельным полотенцем и надев обратно старое белье, я почувствовал себя типичным бомжом, искупавшимся в местном озере или речушке. Тем большее отвращение я ощутил, когда приблизился к надзорной палате,

откуда несло такой вонью, что свежесть геля, исходившая от моей головы, мгновенно захлебнулась в ней. Только сейчас я распознал этот резонирующий запах, этот удушливый смрад и только сейчас я обратил внимание на то, кто и что его источает. В надзорке лежали: полумертвые старики, покрывшиеся рубцами, пролежнями и прочими болячками, одетые в подгузники и неспособные даже встать на ноги; алкоголики, привязанные вязками к кроватям, выкрикивающие непонятный бред с таким энтузиазмом, что забывают сообщить о том, что им нужно «по делам»; подозрительные парни в возрасте около двадцати пяти лет, отрастившие густые усы, бороду и шевелюру, достигавшую плеч, от них несло табаком так сильно, как может только пахнуть от тех, кто каждые десять минут бегаёт покурить, и трио недоразвитых толстяков, у которых постоянно раскрыты рты и которые спят прямо в одежде двадцать четыре часа в сутки, обливаясь потом и попердывая, что даёт поводы всем остальным издеваться над ними. Оценив ситуацию, я подумал, что неплохо вписываюсь в общую картину. Если я буду продолжать валяться в кровати, опьяненный нежностью чарующих снов, то очень скоро превращусь в один из овощей этого натюрморта. «Надо срочно найти выход, надо чем-нибудь отвлечься. Во время обхода я поинтересовался, чем можно заняться в этой палате. Из скудного списка дозволенного: решать карандашом sudoku и кроссворды, читать или играть в шахматы, я выбрал последнее. Первым, кого мне пришлось на ум вызвать в качестве соперника, был Ваня. Я нашёл его, он нашёл шахматную доску, и мы сели за стол в коридоре. По словам Вани, он не особо любил играть в шахматы, но был готов уделить время на пару партий. Но мне пока больше и не надо было, главное, чтоб доска была в моем распоряжении.

Спустя двадцать минут, за которые я успел обыграть соперника, над нашим столом нависло двое наблюдателей. Один был парнем из моей палаты, на предложение поиграть он просто покачал головой и удалился. Другой, его я видел впервые – усатый старичок с большим пузом на толстых ногах, сразу же согласился и уселся за уступленное Ваней место. До обхода с Толей, так звали старичка, мы успели сыграть только одну партию. Я был разгромлен. Не то, чтобы я был большим мастером в шахматах, но я все время вижу игру на два хода вперед, а если призадуматься, так и на целых четыре, поэтому проигрыш был все же обидным.

После обхода и капельницы, назначенной мне с этого дня, под которой я, чувствуя сильную сонливость, пролежал без движения целый час, мы продолжили. До обеда мы сыграли пять партий. Две последние я сдал раньше времени, поняв за предыдущие проигрыши, что потеря фигуры создает слишком большой перевес в сторону Анатолия, а возместить ее не представляется возможным.

Наступил, как бы глупо это ни звучало, двухчасовой тихий час. В этот раз во сне произошел интригующий поворот событий.

У девушки взяли кровь на анализ и обнаружили, что у нее неестественный цвет крови – синий. Что теперь с ней будет? Согласно выводам, которые я могу сделать после просмотра нескольких фантастических фильмов, человек при встрече с неизвестным чаще всего поступает своей человечностью ради знаний. Так что, ее скорее всего ждет какая-нибудь секретная лаборатория со всеми прилагающимися исследованиями, наблюдениями и опытами.

Положив пипетку, пораженная медсестра взяла пустой шприц и ввела его в хорошо видневшуюся вену. Кровь в ней оказалась такого же синего цвета.

«Ни хрена себе, – воскликнула сестра, – а ты вообще с нашей планеты, деточка?»

Через минуту в процедурке столпился весь персонал. Покинув посты ради такой сенсации, они достали свои сотовые и стали фотографировать «инопланетянку» и следы светящейся синей крови на ее пальце. Позвали врача. Тот сперва подумал, что его разыгрывают, но после предложения взять кровь самостоятельно и проведения этой операции, его неверие, перешло в изумление. Мера, которую он принял, была вполне разумной и предсказуемой. Зеленоглазую красавицу перевели на карантин.

Я проснулся. До ужина и после него до самого отбоя мы с Анатолием продолжали шахматные баталии. Он казался неутомимым соперником, как раз таким, какой мне был нужен, чтобы сжигать время.

В четверг снова приехала мама. На этот раз наше свидание прошло гораздо более спокойно. Мы поговорили на отвлеченные темы и, чтобы мать лишней раз не нервничала, я дополнил беседу заверением о том, что мне отлично живется и здесь, в Москве. Я сказал, что мое состояние, которое из-за лечения, становится все лучше и лучше, ухудшилось из-за переезда и не из-за расставания с друзьями, а по причинам, которые я хотел бы оставить при себе. Насчет лечения, конечно, пришлось приврать, потому что после таблеток и капельницы я не чувствую себя ни лучше ни хуже, но смысл, заключающийся в том, что жить мне стало легче, оставался тем же. Затем я попросил о том, о чем не осмелился при ее первом визите: пообещать, что о моем пребывании здесь будет известно только нам с ней и бабушке. Мама с пониманием согласилась держать рот на замке и спросила нужно ли мне что-то еще. Я продиктовал список вещей, которые нужно привезти к следующему раз, почему-то чувствуя, что все равно чего-то не хватает. Израсходовав время, выделявшееся на свидание до последней секунды, мы распрощались. И это было не единственное прощание за этот день.

Возвращаясь в палату через коридор, я встретил Ваню, облаченного в вольный прикид и готового к отъезду. Проследовав за ним в курилку, куда он решил заглянуть на последнюю сигаретку, я подождал, пока он обратит на меня внимание и спросил:

- Ну что, наконец, домой?
- Угу, – ответил он, делая затяжку.
- И как, тебя признали пригодным к армии?
- Нееет, таких, как я не признают.
- Каких «таких»?
- Со странными татуировками. У меня на животе наколот Майк Майерс.
- Кто это такой?
- Да ты шутишь... Американец и не знаешь Майка Майерса? Вот, смотри.

Ваня поднял черную футболку с надписью «Sinister», оголив живот, на котором красовался здоровый мужик в маске с занесенным над головой мачете.

- И что, теперь ты из-за этого не сможешь служить?

– Слава Богу, нет. Видишь ли, у нас в России сформировалось мнение, что в армию идут либо тупицы, либо бездельники. В крайнем случае- безбашенные смельчаки, поступающие на контрактной основе. Я себя не причисляю ни к первым, ни ко вторым, ни к третьим. Так что можно сказать, мне повезло.

Мне было тяжело понять такое отношение к военным, ведь у меня на родине армия исключительно профессиональная и служить в ней считается престижно... но все же я ответил:

- Понятно.

– Ладно, давай. Постарайся извлечь пользу из нахождения в больнице. – сказал он на прощание и покинул курилку, отделение, больницу, а затем и мою жизнь, оставив после себя лишь смутное, скользкое воспоминание. Отвергнув мысль о том, что жизнь в стационаре имеет какой-то толк кроме разве что лечения, которое, вероятно, кому-то и помогает, я совершенно о ней забыл. Мне не хотелось помнить и думать ни о чем, кроме девушки-ангела и я с наслаждением продолжал слушать мистическое пение, игравшее где-то в глубине моего сердца.

Остаток четверга и целая пятница пролетели мгновенно. Все из-за шахмат. Кстати, после столь долгого шахматного марафона я сделал себе заметку. Когда отстраняешься и смотришь со стороны на ситуацию, в которую я попал, все происходящее со мной кажется нереальным. Но, когда я сам погружаюсь в нее, я не осознаю этого.

Настала суббота. Вновь приехала мать, на этот раз со всеми необходимыми мне вещами, которых все равно, по ощущению, было мало. Мы поболтали о всякой всячине, и она, уже

полностью освоившаяся с ролью моего связного с внешним миром, уехала. Так замкнулся круг, прошла моя первая неделя нахождения в больнице.

Спустя еще две незаметно пролетевшие недели, ровно за месяц до моего дня рождения, я, сидя за шахматами, услышал незнакомую музыку, доносившуюся из четвертой палаты. Санитарка, обязанная следить за надзоркой, куда-то отлучилась, и я без промедления воспользовался шансом. Попросив Анатолия меня немного подождать, я проскользнул к источнику звука.

– Что это играет? – спросил я у паренька, который лежал на кровати рядом с тумбочкой, где стоял небольшой радиоприемник.

– «Максимум», -ответил паренек, еле двигая губами.

– Не слышал о такой группе.

– Это радиостанция.

– А-а... ну так, а чья песня?

– «Металлика»

Из приемника доносилось:

Welcome to where time stands still

No one lives and no one will

Moon is full never seems to change

Just labeled mentally deranged

– Точно. Что-то я их не узнал. Актуальная, кстати, песня, – сказал я, сев на соседнюю койку.

– О чем? – прозвучал вопрос. Казалось, мой собеседник немного улыбается, произнося слова.

– Про психушку. Тебя, кстати, как звать?

– Егор.

– Меня Джон.

– Американец.

– Ну да.

– Хорошо по-русски говоришь.

– Спасибо, ты сегодня поступил?

– Ага.

– Из-за чего?

– Наркотики, а ты?

– Вены себе порезал.

– Ясно.

Не знаю, что побудило меня заговорить с этим парнем, но диалог с ним вышел не таким уж опасным. Во всяком случае, моей психике он не повредил.

За «Металликой» я прослушал еще две песни, до боли точно передававшие мои собственные чувства. Эти песни: *three doors down-here without you* и *Ozzy Osborne-I just want you* я уже слышал и раньше, но теперь они зазвучали совершенно по-другому. Словно кто-то залез ко мне в голову, выяснил, о чем я думаю и выразил в словах то, что у меня не получается выразить самому.

В течение месяца я при каждом удобном случае проползал в четвертую палату послушать пару-тройку песен. В половине случаев меня обнаруживали и выпроваживали до своей койки, но, к моему счастью, никаких наказаний не следовало.

Мне казалось, что все песни, звучавшие на радио, были посвящены исключительно мне. Не то, чтобы я постепенно убеждался в этом, но со временем эта мысль, всплывавшая всякий раз, когда я вспоминал или слушал эти песни, стала настолько привычной, что превратилась в некую основу для необычных выводов, подтверждавших ее истинность.

Первым бредовым, хотя мне так не казалось, умозаключением было убеждение в том, что я сам написал все эти песни.

«Может быть, в предыдущей жизни, может быть, их специальным устройством извлекают из моей головы, пока я сплю, может быть, я записываю их в чью-то тетрадку, пока длится какой-нибудь приступ лунатизма, может...» Я перебирал варианты целый день, а на следующий меня перевели в четвертую палату и я продолжил искать разгадку уже в более приятной обстановке.

Так из моей жизни бесследно пропали полтора месяца, а вместе с ними и надежда выписаться за среднестатистический срок пребывания в больнице. За это время сюжет моих снов успел продвинуться далеко, но не в лучшую сторону. На следующий день после того, как их главную героиню посадили на карантин, состоялась закрытая конференция. На конференции собралось руководство больницы и министр здравоохранения страны. Ему описали сложившуюся ситуацию, и он тут же решил перевести «пациентку» в специальную лабораторию, предупредив, чтобы все знающие об этой сенсации молчали под страхом тюремного заключения. Девушку перевезли на секретный объект «Z8» и поместили в отдельную комнату с привинченными к полу кроватью, столом, двумя стульями и толчком. Начались всесторонние исследования.

Как выяснилось, от людей девушка-ангел отличалась всего тремя вещами. Собственно, составом крови, отсутствием мозга и тем, что желудочно-кишечный тракт заканчивался на желудке. В начале, когда ученым, накормившим подопытную, было нужно взять анализ мочи и кала, пришлось пару дней недоумевать, почему она "не делает дело"? Ей показывали картинки, демонстрировали, как использовать туалет, а она без эмоций смотрела на это, не понимая, что от нее хотят. «Ха, не удивительно, не представляю себе, чтобы первые мужчина и женщина, подобные ей, гадили в райских садах» – подумал я тогда. Но потом выяснилось, что вся пища усваивается ею на сто процентов, и, следовательно, функции ходить в туалет у нее попросту нет.

Ее начали обучать. С нуля. С азбуки и простейших математических вычислений. Девушка-ангел усваивала уроки моментально и даже догадывалась о некоторых вещах наперед, так, что уже спустя две недели она произнесла свое первое осознанное словосочетание.

– Увидимся завтра, – сказала она своему учителю. Решив, что нужно развивать творческий потенциал девушки, ученые приказали поставить в комнату пианино и подобрали преподавателей музыки и рисования.

В то же время другие ученые изучали формулу и свойства синей крови.

Формула преимущественно состояла из неизвестного вещества, которое в смеси с малым количеством эритроцитов, лейкоцитов и тромбоцитов образовывало ее клетки. Этому веществу дали название «пуриум» от английского слова «pure» – чистый. После того, как удалось отделить его от прочих составляющих крови, с ним начали экспериментировать.

Сперва пуриум размешивали с водой, из-за чего та приобретала зеленовато-голубой цвет, цвет морской волны. Получившуюся смесь дали попробовать подопытным мышам. Не выявив у них никаких изменений, эту смесь дали оценить на вкус троим добровольцам. Двое сравнили ее вкус с березовым соком, третий назвал ее «сладкой водой». Никакого воздействия на человеческий организм пуриум также не вызвал.

Когда жидкость подлили в огонь – огонь загорелся синим пламенем.

Распылили в воздухе – в воздухе повисли красивейшие объемные узоры, переливающиеся всеми оттенками синего и зеленого цветов.

При заморозке она приняла кристально чистую зеркальную поверхность. Разряд тока, направленный в эту смесь оставлял электрический след, сохранявший в ней свою энергию. Повторные разряды оставляли похожие следы и суммируясь между собой повышали концентрацию напряжения и силы тока, пока в эту жидкость не погружали другой проводник, погло-

щавший эту энергию или до тех пор, пока ее мощность не достигала предела. Во втором случае происходил взрыв.

Пуриум не имел запаха, и политые им растения не претерпели никаких изменений.

Остальные опыты в основном заключались в попытках выяснить, вступает ли это вещество в реакцию с отдельными элементами таблицы Менделеева и их соединениями. Они были не столь интересны, как все предыдущие.

Но все же был еще один опыт, поразивший мое воображение. В одном из моих последних снов ученые растворили больше количество пуриума в двадцати литрах воды, помещенной в резервуар, и испарили ее на открытом воздухе с помощью электрического нагревателя.

Казалось, ничего необычного не случилось, но спустя час, за который молекулы смеси проделали свой путь к небу один из ученых, обратил внимание на облака. Те приобрели необычайно красивую окраску, варьирующуюся около все того же цвета морской волны и гармоничные формы, похожие на хлопья попкорна. Стало однозначно ясно, в чем причина такого преобразования.

После этого сна я сфокусировал все свое внимание на девушке-ангеле. Мне не нравилось, что ее заперли, словно птицу в клетке и доят, словно, корову, но я ничего не мог поделать. Моя беспомощность раздражала, но все же, спустя полтора месяца появилось несколько вещей, которым можно было порадоваться. Наступило двадцать восьмое августа – день моего рождения. Еще я получил в распоряжение личную полку в тумбочке, заменившую мне место в общем шкафу (доступ к нему можно было получить только по непосредственной необходимости), получил место в большой столовой, разрешение на ношение музыкального плеера, на просмотр телевизора и, что самое главное, теперь я мог свободно передвигаться по отделению. Мне раньше и в голову бы не пришло, что переезд в другую палату может стать достойным подарком, а сейчас я доволен. Это первый глоток свежего воздуха фактически за целый год.

Правда, образ жизни или правильный «образ существования» я так и не изменил. Я продолжал сжигать время за шахматами, слушал радио и время от времени развивал свою теорию причастности к авторству звучавших песен.

Исходя из того, что все существующие песни написаны мной и посвящены мне же, я решил, что спеты они, скорее всего, моими друзьями. Другим людям я не решился бы поручить такое ответственное задание. «Скорее всего, – думал я, – со всеми участниками поющих для меня групп, я познакомился еще до рождения где-нибудь в раю. А они решили таким вот образом, сохраняя инкогнито, скрасить мои часы на земле. А, может, я и вовсе умер тогда, после раны, которую мне нанесла девушка-ангел. Может, я уже нахожусь в царстве небесном и мои подозрения, касающиеся вопроса об искренности переживаемых певцами чувств – лишь побочный эффект нового восприятия, из-за которого я чувствую единение со всем, что меня окружает. Возможно, нахождение в этой больнице, красочные взаимосвязанные сны и трогательные песни – это часть поэтапной подготовки к смене облика этого мира, необходимого, чтобы избежать шока, который я могу получить после известия о том, что ангелы приняли меня в свои ряды. А еще – эта музыка, похожая на церковные песнопения, постоянно звучащая в моей голове... – все говорит о том, что высшие силы чего-то от меня хотят. И, похоже, вскоре я понял, чего.

Это произошло спустя еще месяц. За это время я успел проникнуться состраданием к Егору, у которого были нарушены опорно-двигательные функции из-за злоупотребления наркотиками, в частности, из-за так называемой «мульки». Он еле-еле был способен самостоятельно добраться до туалета на подкашивающихся ногах, и я стал таскать его на своей спине. Вскоре, немного сдружившись, мы рассказали друг другу истории своих жизней. Оказалось, что из родственников у него остался только дядя, который выкинул парня из собственной квартиры и поместил в эту больницу, ссылаясь на то, что тот не способен жить самостоятельно. В принципе, дядя мог позаботиться о своем племяннике, и, если не лично, то хотя бы наняв

няню... Но дядя не пошел на это ради него. Он решил сделать деньги на сдаче квартиры и теперь, получив желаемое, даже не появляется на свидания, передавая гостинцы через персонал. Зато он каждый раз посещает врача, которому, по всей видимости, отстегивает денег, чтобы племянника продолжали держать в больнице.

Узнав об этом, я наполнился злобой и, попросив позвонить у какого-то парня «по очень важному делу», спрятался в туалете, полный решимости хоть как-то помочь Егору. Я набрал телефон его дяди, высказал все, что я о нем думаю и, вдобавок, пригрозил расплатой, если он не одумается.

Этот, первый в моей жизни серьезный конфликт дал мне понять, что я могу быть сильным. И так случилось, что в этот же день я заострил внимание на словах одной из песен группы Nickelback: for handing you a heart worth breaking. Я понял вдруг, что не должен быть слабаком, нуждающимся в помощи, я должен направить все силы на поиски девушки-ангела. «Я должен найти ее сам, до того момента, как она осознает свое предназначение. А может случиться и так, что ее не захотят выпустить из лаборатории. Что тогда? Я останусь ее единственной надеждой... Надо действовать».

Время продолжало свой неутомимый бег, но не через неделю, не через месяц положение Егора не изменилось. Зато полностью поменялось мое представление о будущем. Я представлял, как научусь пользоваться Интернетом, как сдам экзамен на права. Поднакоплю на какой-нибудь непыльной работенке денег. Куплю машину и отправлюсь на поиски своей возлюбленной. Возможно, это неправильно, что я не стал посвящать в свои планы и догадки лечащего врача, мать и бабушку, которая тоже иногда стала меня навещать, но со своими секретами я чувствовал себя вполне комфортно. С их помощью я забыл о своем жутком прошлом и меньше всего я хотел, чтоб меня от них вылечили.

Когда мой срок пребывания приблизился к трем месяцам, я начал просить Бога о помощи. Я не соблюдал никаких правил, не крестился, не произносил какие-то определенные молитвы, даже не говорил «Аминь», я просто говорил о своем единственном желании.

«Боже, помоги мне найти девушку из моих снов, – время от времени повторял я, – я готов преодолеть любое испытание, я должен быть рядом с ней, сведи нас с ней как можно скорее». Какая ирония, если раньше я считал, что Бог – это что-то непонятное, то теперь я общаюсь с ним, словно, с другом, от которого ожидаю отклика на свои просьбы.

Наконец меня допустили к прогулкам во дворе. Это событие подарило мне еще один глоток свежего воздуха – на этот раз в прямом смысле. Я стал ежедневно выбираться из замкнутого пространства. Я радовался каждый раз этой возможности словно ребенок, попавший в парк развлечений. Но, как бы легко мне теперь не дышалось, я не мог уберечь себя от сомнения, закравшегося в мою душу: что, если все, что я себе воображаю лишь бред сумасшедшего? Ведь снаружи все те же асфальтированные дорожки, скамейки, ограды, дома и деревья, играющие тенями под лучами неизменно палящего солнца. Ведь никаким раем до сих пор и не пахнет. Ведь я уже три месяца нахожусь в психушке и скоро своим сроком я переплюну всех старожиллов этого отделения. Ведь мой лечащий врач даже не намекает, что это скоро кончится... И, вполне возможно, что причина в моей болезни. Ведь таких галлюцинаций, как у меня, насколько я знаю, больше ни у кого не было. «Может потребоваться много времени, пока не придумают лекарство и пока я не справлюсь с последствиями своей болезни».

Многое говорит о том, что все мысли, касающиеся ангелов и рая – просто мой бред. Но я не могу так просто от них отказаться, их корни засели так глубоко в моем сознании, что у меня не получалось верить во что-то другое.

Глядя из окна большой столовой на машины, едущие по своим маршрутам и людей, спешащих по своим делам, мне показалось, что никого, в общем не волнует, что происходит в моей голове. Похоже, никто и не подозревает о существовании ангела, сошедшего с небес. Прогресс

движется вперед, земля крутится, люди рождаются и умирают. «Если моя теория хоть отчасти верна, то кто-нибудь уже бы наверняка давно подтвердил это.

Ведь в ней все сходится. У меня засосало под ложечкой – такое ощущение, когда точно знаешь – происходит что-то не то и надо делать отсюда ноги. Во всяком случае я так понимал этот афоризм.

Из палаты стала доноситься песня Muse-time is running out:

I think i'm drowning, asphyxiated

I wanna break the spell that you've created

You're something beautiful a contradiction

I wanna play the game I want the friction

«Вот и лишнее подтверждение моей правоты. Пора сваливать из больницы и как можно скорее», – пробормотал я себе под нос и отправился играть в шахматы.

В течение трех последних недель, я каждый второй день спрашивал на обходах врача о разрешении подносить пайку в отделение. И добился своего. Теперь я каждый день по несколько раз таскал тяжеленную кастрюлю напару с одним из моих новых соседей по палате. Остальные, ходившие на пищеблок, носили по два больших ведра, их я со своей тощей комплекцией донести был не в силах. Как бы невзначай, я разглядывал заборные плиты, стоявшие вдоль дороги к пищеблоку, проверяя наличие дыр и неровностей. Но уже спустя первую неделю я оставил надежду на побег, правда в итоге оказалось, что она не оставила меня.

Двадцать шестого декабря, в день, когда моему сроку пребывания исполнилось пять с половиной месяцев, мне, как послушному, не проблемному больному доверили выбросить мусор. Одевшись в допотопное серое пальто, шапку-ушанку и валенки на молниях, я вышел в сопровождении тучной старушки на двадцатиградусный мороз с большим пластмассовым ведром. Этой дорогой я еще не ходил, поэтому каково же было мое удивление, когда неподалеку от мусорных баков я увидел загнутую железную арматуру, торчащую из бетонного забора. Да еще столь удачное сочетание обстоятельств! Старушка, не дойдя пару десятков метров до мусорки, встретила свою знакомую и заболталась, посплав меня доделать дело самостоятельно. Я понял, что не могу ждать, пока мне подвернется шанс получше, поэтому воспользовался тем, что который мне представился. Была не была. В конце концов, я ничего не теряю. Сменив немного траекторию движения, я поставил на землю ведро и направился к бетонной плите. Как только я подпрыгнул и ухватился за ее край, раздался крик:

– Ты что делаешь, ты куда полез, а ну вернись сейчас же!

Но уже через пару мгновений я, подтянувшись и оттолкнувшись ногой от железяки, перемахнул через ограду. У провожатой не было ни единого шанса мне помешать.

Оказавшись в незнакомом дворе и совершенно не зная, в каком направлении двигаться, я решил, что буду выбирать свой путь по наитию. Я не собирался искать свой дом, потому что был убежден в необходимости найти девушку-ангела без посторонней помощи. Кроме, естественно, той помощи, которую я буду получать свыше – кроме знаков. Так я докажу себе и всему миру, что достоин ангельской любви, и что моя любовь по значимости важнее, чем даже приход Иисуса Христа.

Постоянно идти дворами я бы не смог, пришлось свернуть на улицу. Там я увидел, как набирает свою силу утренний рассвет, освещая пока еще слабыми лучами дороги, тротуары и сугробы. Дело было в среду, повсюду сновали люди. Я чувствовал на себе взгляды каждого из них. «Но почему они все с подозрением смотрят на меня? Из-за того, что я как-то не так одет? Или потому, что у меня что-то с лицом? Первый вариант отпадает, ведь на мне одет типично русский прикид, который не должен вызывать подозрения. А вот лицо... Скорее всего информация о девушке-ангеле просочилась в массы вместе с моим фотороботом, составленным по ее описанию. Видимо, она вспомнила меня, хотя вполне возможно никогда и не забывала. Просто раньше она не могла выразить свое желание словами. Желание увидеть меня».

Несколько часов кряду я шел вдоль, а иногда и поперек автомобильных дорог. Я никогда не чувствовал себя так свободно. И, уже не помня, когда вообще в последний раз видел город, решил, что этот мир создан специально для меня, а раз так, то все, что мне нужно для исполнения своей миссии я обязательно получу.

В преддверии Нового года повсюду открылись магазинчики с подарками. Кинув взгляд на очередной такой магазинчик, я почувствовал сильное дуновение ветра и, впервые за несколько пройденных мной километров, остановился. Я понял, что я хочу получить в первую очередь. Мне нужно достать подарок для «моей девушки», который я доставлю ей через любые расстояния. Денег у меня, естественно, не было, но я и не рассчитывал добиться своей цели законным путем. Зайдя внутрь, я оказался посреди трех стендов, забитых мягкими игрушками. Женщина лет сорока, стоявшая за прилавком, помогала девочке-тинейджеру сделать выбор. Пока они слушали мелодию, которую воспроизводил красный плюшевый дракон, мне приглянулась овечка, обхватившая сердце с надписью «I love you», и я попросил показать ее поближе. Продавщица передала его мне в руки и перевела свое внимание обратно на подростка.

– У таких драконов есть еще три другие мелодии, – сказала продавщица.

– О да!? А можно послушать? – спросила еще больше заинтересовавшаяся девчонка.

– Конечно, подожди минутку.

Женщина удалилась в подсобку за дверь, и я понял, что мне снова везет. Выйдя из магазина, я засунул овечку в подмышку, так как карманов у меня не было, и пересек дорогу, вновь рискуя попасть под колеса. Так я произвел первую в своей жизни кражу. А за ней не промедлила последовать и вторая. Очень скоро после того, как продолжил идти куда глаза глядят, я наткнулся на оружейную лавку и, решив, что мне совсем не помешало бы обзавестись оружием, заглянул внутрь. Убить я, к счастью, никого не способен, а вот припугнуть кое-кого можно. В моем случае даже нужно. Конечно, для этого дела лучше подходит пистолет – удобно и убедительно, но поскольку без лицензии на хранение оружия мне не дадут его даже в руках подержать, я попросил показать мне нож с коротким лезвием. На этот раз я решил украсть открыто, на глазах продавца. Получив в свои руки оружие, я, без зазрения совести, развернулся, рванул с места и, скрывшись за углом дома, вновь затерялся во дворах. «Теперь надо найти способ добраться до окраины Москвы и там поймать попутку куда-нибудь в сторону Питера или Сочи, поскольку это единственные известные мне города России, расположенные на берегу моря. Поиски стоит начать где-то там. Ночевать и питаться буду в придорожных заведениях, расплачиваясь волшебным свойством оружия – убеждением в том, что со мной лучше не связываться. Ах, да, еще нужно раздобыть ноутбук, чтобы расширить область поиска посредством сравнения фотографий прибрежных городов с картинками из моей памяти. Может наведаться в какой-нибудь компьютерный клуб?... Надо искать подсказки»

– А вот и первая из них! – подумал я, увидев спортивный байк, припаркованный посреди одностороннего переулка возле двухэтажной новостройки. Подойдя поближе к практически полностью черному, с раздвоенной на конце выхлопной трубой, мотоциклу, я разглядел на баке надпись Ducati Monster.

«Стопроцентный шанс добраться куда душе угодно. Сейчас дождусь, пока хозяин мотоцикла, у которого, по всей видимости, дела в этом доме, кстати, что это за здание? А, вижу, какой-то банк... дождусь, пока он из него выйдет, приставлю нож к его горлу, получу ключи и поеду бороздить неизведанные просторы. Вряд ли водить мотоцикл особо трудно – две ручки, тормоза, педалька – разберусь.»

Солнце уже давно взошло и я, шатаюсь туда-сюда возле мотоцикла, время от времени задираю голову, чтобы посмотреть на свет, не знаю почему, но он не слепил меня.

В итоге, спустя еще час пребывания на свободе, под воздействием навязчивых идей меня осенило. «Разве могут все те злодеяния, на которые я собираюсь пойти, быть оправданы одной благородной целью. Никакая судьба не поможет мне вытерпеть такое испытание. Я сбежал.

Тайком украл игрушку. Внаглую фактически ограбил оружейную лавку. А теперь собираюсь угрожать человеку и угнать мотоцикл». Боже, что я делаю?» Наконец, опомнился я, но было уже поздно. Незаметно, пока я глазел на солнце, подъехала полиция. Первое, что мне пришло в голову сделать, когда я увидел, как двое выходят из машины с мигалками, это выбросить нож под колеса спортбайка.

– Добрый день, предъявите, пожалуйста Ваши документы. – сказал один полицейский. Ножик они не заметили и то хорошо.

– Так я-аа шел к другу в гости, у меня и в мыслях не было что они могут понадобиться, -соврал я как смог.

– Да? Ну а где живет твой друг?

– Здесь неподалеку в тридцать четвертом доме.

– Давай-ка выложи свои вещи на капот.

– А у меня и нет ничего.

Полицейский, услышав это, бросил взгляд на своего напарника и решил меня обыскать.

Естественно он обнаружил овечку.

– А внутри – героин, – сказал он, задумчиво щупая игрушку.

– Да бросьте, – возмутился я – это подарок девушке.

– Пойдем-ка, – приказал блюститель порядка и повел меня за руку к машине.

– Куда? За что? Зачем? – запаниковал я.

– Скоро узнаешь, полезай.

Передо мной открылась задняя деверь «ментовоза», и я понял, что совсем не хочу садиться внутрь. «Куда они меня повезут?» Что собираются со мной делать? Раньше я никогда не пересекался с полицией, откуда мне знать, что у них на уме... Нет, никуда я не поеду. Надаю им по мордам, убегу подальше, а затем зайцем доеду на метро домой. Решено.

– Не лезу, – заявил я.

– Как это?

– Вот так.

Вложив в кулак все силы, которые смог собрать, я впервые в жизни зарядил по лицу человеку. Разговаривавший со мной все это время полицейский пошатнулся, и, спустя всего пару секунд, последовала реакция его напарника. Молниеносным движением он снял с плеча АК47 и, развернув его прикладом вперед, от всей души приложил к моему лицу.

– Сейчас ты у меня поймешь, кого ты ударил. – прокомментировал замах дубинки первый коп.

Вместе они слаженно «упаковали» меня в автомобиль и за десять минут доставили в отделение. Там с меня сразу сняли наручники и отвели к раковине. Я не чувствовал боль, когда меня били, не почувствовал и когда мыл лицо. Но, к моей неожиданности, в раковину упал зуб. Оказалось – полицейская шутка, все мои зубы были целы. А вот лицо – нет. В зеркале я увидел паренька, похожего на меня, только с толстой отекшей рожей. Да, теперь лицо стало рожей типичного бандита с улицы и было противно осознавать, что она принадлежит мне.

Скрывать свою личность не было смысла, полиция итак знала, что я сбежал из дурки, поэтому отыскать родственников для них не составило труда. Конечно, когда мать приехала, она была шокирована. Но все же каким-то образом сдерживалась, не плакала и не паниковала. Вместо этого она злилась и то была справедливая злость, я ее заслуживал.

– В общем, я тут в передрыгу попал – виновато пробормотал я при встрече.

– Да я уж вижу – отрезала мама, заставив меня понять, что продолжать не стоит.

Я вновь подвел ее. Вновь расстроил. Я больше не заслуживаю ее доверия. В объяснительной я охарактеризовал свои действия нежеланием возвращаться в больницу.

– А откуда у тебя игрушка? – спросил оперуполномоченный?

– Это я у больного украл.

– Зачем она тебе?

– Да вот хотел сделать подарок матери – сказал я, кинув робкий взгляд в сторону родственницы.

– Только этого мне не хватало – поддержала она разговор.

У меня не нашлось, что сказать. После объяснительной была улажена еще пара формальностей и меня отвезли обратно в ту же психушку. К счастью, на этот раз я пробыл там всего один день, но на этом мои приключения не закончились. Меня перевели из одной психушки в другую, в Научно-исследовательский институт имени Сербского. Там, в бесстражном отделении, которое представляет собой одну небольшую палату с дверью в совмещенный санузел, я провел двадцать три дня.

За это время мои раны полностью зажили, а врачи успели провести судмед экспертизу. В отделении в основном либо валялся на кровати, либо общался с врачом – молодой женщиной, так и норовившей вытянуть из меня всю душу. Телевизор, столы и стулья находились прямо в палате, поэтому волей-неволей приходилось присоединяться к просмотру всяких передач. Одна мне даже понравилась, и мне удалось установить правило: с восьми до девяти вечера моя палата смотрела «Retro» – час старых клипов на MTV.

Каждый старый хит, просмотренный мною, лишь лишний раз доказывал, что вся музыкальная индустрия «подобрана под меня». Словно кто-то за мной следит и решил сделать мне небольшой подарок.

Bjork-all is full of love

Guano Apes-no speech

Limp bizkit-behind blue eyes

Robyn-who's that girl

Pink-just like a pill

И прочие клипы отнюдь не помогли мне разубедиться в собственном здравомыслии, поэтому наблюдавшей меня врачихе я рассказывал не все и не до конца. История моей болезни была получена из предыдущей больницы, поэтому все, что из меня удалось выудить – это обобщенные формулировки причин моего побега и последовавшего сопротивления. В общем, выяснилось, что я выполнял выдуманную мной священную миссию, и этого хватило, чтобы определить – на момент совершения преступления я был невменяем.

"Да неужели, мне в это как-то не верится"

По окончанию двадцати трех дней я вернулся домой на Профсоюзную улицу, где без хлопот проживал до середины апреля.

Тогда раздался неожиданный звонок из прокуратуры, известивший о том, что скоро у меня суд.

– Как же так, я думала все позади. Ты был невменяем, а значит невиновен. Что они еще от тебя хотят? – негодовала моя мать, а я, думавший все это время, что дело закрыто, еще несколько часов переваривал услышанное. Я обвинялся в нападении на сотрудника полиции по статье номер триста восемнадцать и даже не представлял, чем это чревато вплоть до того момента, как двенадцатого мая мне вынесли приговор – принудительное лечение в стационаре общего типа. Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. За последние четыре с лишним месяца я почти приспособился к нормальной человеческой жизни. Спал крепким сном, забыл об ангелах и посвященных мне песнях, таинственная музыка куда-то пропала, а тут такое... Надо было думать, прежде чем делать. Мне трижды повезло: сначала при побеге, а затем в двух магазинах, но ясное дело – это везение не могло длиться вечно. Теперь становится обидно, что меня не схватили за кражу игрушки или еще ранее при побеге, ведь от старых убеждений и страстей, которыми я руководствовался, почти ничего не осталось. Разочарование сопровождало меня на пути к последней остановке сбивавшегося с курса путешествия жизни – к психиатрической больнице номер пять.

Глава 3. ONE WAY TICKET. (билет в один конец)

В руках я держал направление, постановление суда и пакет с личными принадлежностями. Выйдя из такси, я увидел ворота – проходную с табличкой и надписью на ней «Городская психическая больница №5» и красную кирпичную стену. Что за ней – тайна, покрытая мраком. Получив на проходной разрешение, я проследовал в сопровождении охранника к приемному покою. Он находился в основном корпусе, который снаружи выглядел вполне симпатично, но вот изнутри отдавал старым налетом минувшей эпохи. Но пугало не это. Пугал срок, на который я сюда приехал. Женщина, к которой меня привели, сказала, что выписные комиссии проводят для каждого больного раз в полгода и это еще не означает, что уже после первой комиссии я буду дома. После короткой беседы с меня сняли одежду и положили ее в личный мешок. Взамен мне дали тряпичные клетчатые штаны, растянутую бежевую майку и коричневую рубашку, сделанную из какого-то смешанного материала. В таком веселом прикиде меня отвели в шестнадцатое отделение. После того, как я прошел по заднему дворику и, поднявшись по лестнице, вошел в дверь с нужным номером, на душе стало совсем тоскливо. При одном взгляде на коридор отделения я напрягся так, будто только что получил пощечину. Если задаться вопросом, как кратко объяснить, что именно было не так с его внутренним видом, можно уложиться в одно слово: все! Все было не так. А если говорить конкретнее, то в первую очередь, бросались в глаза потускневшие бирюзовые стены, в разных местах запачканные въевшимися пятнами. На стенах висели ночники, колонки и оголенные звонки, а рядом с ними хаотично выгоревшие распаячные коробки. Затем обращаешь внимание на обтесанные двери с привинченными деревянными досками, на которых выжжены названия комнат: буфет, раздевалка, процедурный кабинет и кабинет врача. На древний линолеум, повсюду покрытый заплатками, на обшарпанные железные кровати, стоящие вдоль коридора, и, наконец, на самую обескураживающую часть картины – шатающихся туда и обратно психов-уголовников с их сурово-больными рожами. Меня пристроили к одной из коек в коридоре, стоявшей рядом с двумя дверьми, одна из них – деревянная с окошком – от курилки, другая – из железных прутьев – от надзорки. Время пол-одиннадцатого утра и, как мне сказали, нельзя ложиться до тихого часа. Поэтому, разложив в тумбочке те вещи, которые мне разрешили пронести, я решил пойти разведать обстановку. Разглядывая интерьер, поначалу, словно не понимаешь его предназначение, не представляешь себя едящим за этим столом, сидящим на этом стуле, умывающимся в этой раковине или спящим на этой кровати. Думаешь только: «Ага, значит вот как они тут живут», своей принадлежности к этому месту не осознаешь. И только спустя несколько дней разные фрагменты соединяются в полноценную картину, словно поле зрения, изначально суженное, постепенно расширяется до тех пор, пока не сложится общее представление о внутреннем распорядке больницы – ты привыкаешь.

Первое, к чему пришлось привыкать, или, точнее сказать, с чем пришлось свыкнуться, потому что привыкнуть к этому невозможно – это отношение к больным и к моей персоне конкретно.

Костяк пациентов этого отделения состоял из бывших заключенных. Все покрытые татуировками из надписей, звезд, свастика и всяких символов с подтекстом, они приняли меня за своего. Только мне стоило сказать, что я попал сюда из-за того, что ударил полицейского, как со всех сторон посыпались вопросы: сильно ударил? А за что? Полицейский был в штатском или нет? Где это произошло? Дав всем проявлявшим интерес к моему случаю ответы, я не «скорешился» ни с одним из бандитов. Во-первых, меня самого не тянуло к общению с ними, во-вторых они, слава Богу, сами не пытались затянуть меня в одну из своих компаний. Но после «приема» надо мной стали подшучивать типа: у кого проблемы с полицией, зовите американца, он разберется, или: бей полицейских, спасай Россию, или: плохих полицейских будем

хоронить в плохих гробах, а хороших в хороших, и все в таком духе. Так, получив кличку «американец», я время от времени чувствовал себя матерым преступником. Конечно, мне это не нравилось, но это было не самое страшное, что приходилось терпеть.

Гораздо сильнее раздражали крики персонала. При подъеме кричат до тех пор, пока все не встанут. Во время еды кричат, чтоб все расселись по своим местам и, чтоб не вставали до тех пор, пока не поест надзорка. Не надел кепку на прогулку, а у меня ее первое время просто не было, тоже начинаются крики.

Плохо заправил кровать – крик. Захотел попить воды из-под крана – крик. Захотел не вовремя в туалет – крик. В общем, по любому пустяку – крик. А то, что происходит во время «бани» вообще с трудом поддается описанию. Рядом с ванной комнатой ставят ведро для грязных и стол с чистыми вещами. За стол садятся сестра-хозяйка и кто-нибудь из персонала, и начинается непрерывный ор: мой пятки! Натирай себя мочалкой! У нас тут моются, а не стоят под душем! Быстрее! Хватит вытираться, уже до покраснения себя обтер!...

Складывается такое ощущение, будто тебя принимают за каторжника, который плохо выполняет свою работу.

И все это только те крики, которые слышал я. Но приколами и криками отношение ко мне не ограничивалось. Была еще третья сторона – сторона заведующего отделением. Его звали Александр Александрович. Спустя четыре дня после моего поступления он соизволил-таки вызвать меня на беседу для знакомства.

– Ну присаживайся, Джонни, как тебе у нас?

– Как... сперва переживал, думал: что это за дыра? Куда я попал? Но потом решил, что как-нибудь переживу, – бодро ответил я.

– Ясно. Значит, так. Как ты, наверное, уже знаешь комиссии здесь проводятся через каждые полгода, – начал объяснять врач, – у тебя суд был в мае, значит ближайшая комиссия в ноябре. Но ты не обольщайся. Хотя и шансы твоей выписки в основном зависят от твоего состояния и мнения председателя комиссии, я могу гарантировать тебе полтора года. Запомни, личного времени у тебя здесь нет, то, как ты его проводишь, так или иначе зависит от того, что тебе будет мною дозволено или запрещено. Постарайся понять, что ты такой же, как все остальные. Простыми словами, ты – боевая единица, а значит должен подчиняться общему уставу. В этой больнице такой устав называется режимом. Его несоблюдение чревато надзоркой или переводом в двенадцатое отделение. Но, если ты будешь придерживаться установленных правил, не будешь пререкаться с персоналом, не будешь драться, не станешь никого провоцировать... короче, веди себя хорошо, и все будет в порядке.

– А что за двенадцатое отделение?

– Это отделение со спец интенсивным режимом, куда отправляют особо строптивых. Попадание туда добавляет еще как минимум год к твоему сроку. Так что имей ввиду. У тебя еще есть какие-нибудь вопросы?

– Да нет. Я на самом деле думал, у Вас будут ко мне какие-то вопросы. По поводу моей болезни или касательно моего преступления, например.

– А что тут спрашивать... вся информация здесь, в твоём деле. Даже не знаю, разве что вот такой вопрос: зачем ударил-то полицейского? Что у тебя за миссия была?

Вопрос поставил меня в тупик, но в я все же выкрутился.

– Да не было никакой миссии, просто хотел сбежать обратно на родину. А тут полиция, поедешь говорят с нами, а куда и за что не объясняют. Я и запаниковал. Раньше-то я ни разу не пересекался с копами, даже документы ни разу не предъявлял, а тут взяли за шкирку да потащили в машину, в общем, необычная для меня ситуация, и что из нее можно выйти более простым путем – я как-то даже не подумал.

– Понятно. Все по-нят-но. Ладно, иди осваивайся, если что-то будет тревожить или захочется побеседовать о чем-то важном, сообщай об этом на обходе. Но имей ввиду, у меня помимо тебя еще шестьдесят пять пациентов.

– Все, я могу идти?

– Да, можешь идти.

После такого «знакомства» с заведующим отделения во мне остался осадок, напоминавший о том, что я типичный правонарушитель. Добавив к этому осадку чувство, будто я зэк на каторге, я сделал заключение – я подходящий клиент для этой больницы.

«Полтора года...это почти в четыре раза дольше, чем мое пребывание в пятнадцатой больнице. Как это можно вынести? Что мне делать все это время? На одних шахматах не проживешь. Похоже, придется найти себе собеседника, иначе крыша может сосем съехать».

Самым адекватным, на мой взгляд, был мужичок, который был постоянно занят одним из двух дел. Он либо читал какие-то большие толстые книги, либо играл с кем попало в неизвестную мне настольную игру. В ближайшую прогулку, после того как я решил, что мне не обойтись без нормального человеческого общения, я решил подойти к одному из четырех стоявших во дворике деревянных столов, за которым сидел в том числе и этот мужик.

– Во что играете? – поинтересовался я.

– В го, – ответил мужик.

– Вго? Никогда не слышал о такой игре.

– Не «вго», а «го». Это древняя японская игра. О ней вообще мало кто знает.

– И в чем ее суть?

– Главная задача – окружить своими фишками как можно больше чужих, выигрывает тот, кто захватит большую часть территории доски.

– Круто, а можно будет попробовать?

– Конечно, сейчас только доиграем эту партию.

– Окей О'кей. Меня, кстати, зовут Джонатан, – сказал я, протянув руку.

– Илья, – сказал мужик и протянул в ответ свою.

– Я слышал, ты из Америки?

– Да.

– Ну и где лучше?

– Не могу сказать. Я слишком мало пробыл в Москве. Толком ничего не повидал.

– Мне было бы интересно послушать про жизнь в Америке, ладно, надо доиграть, а потом и поговорим.

Дождавшись своей очереди, я сел напротив Ильи, и мы начали играть в Го, заполняя промежутки между ходами рассказами о себе. Мой собеседник производил впечатление образцового, заботливого отца. Он – мастер на все руки, занимался ремонтом квартир, и сейчас в отделении чинит столы, стулья и все, что ломается. Семья – жена и два сына, благодаря его заработку жила в достатке и даже позволяла себе выезжать раз в год за границу. И, можно сказать, что жили они счастливо, если бы старшего сына не сбила машина. С женой разладилось, и они развелись. Так он остался в одиночестве.

Из-за чего попал сюда – Илья рассказывать не захотел и к тому, что натворили другие, он совершенно безразличен. Не знаю, как выглядят убийцы и насильники, но на одного из них он, на мой взгляд, похож не был. На вид я не дал бы ему больше сорока и в действительности так и оказалось, телосложение подтянутое, лицо немного морщинистое, строгое. Единственное, что было в нем ненормально – это привычка время от времени громко скрипеть зубами, хотя он говорит, что это не из-за болезни, а просто потому, что ему нравится так делать. Речь мягкая, размеренная, всегда смотрит в глаза. В целом, за исключением того, что он годился мне в отцы, он вполне подходил мне как собеседник.

Сперва Илья объяснил мне значения простейших понятий. Я узнал, кто такие подобные, блатные, гашеные, а также что подразумевается под выражениями: тереть шкуру, заточить копыта, полоскаться и склеить лапы.

Затем он помог мне ознакомиться с самыми популярными медицинскими препаратами, используемыми в психиатрии. Аминазин, циклодол, зипрекса, сонопак... приводя пример, он описывал цвет, форму и классификацию той или иной таблетки, а я запоминал. Я даже не знал, чем меня укололи в пятнадцатой больнице, когда у меня вываливался язык из рта и руки сковались возле груди. Это был галоперидол, его также как клопиксол, модитен – депо и акуфаз часто колют за непослушание. Вскоре я многого набрался у Ильи и стал чувствовать себя более уверенно, будучи своим среди чужих. Взамен за получаемые мною знания, я рассказывал, что знал об Америке. Естественно, со временем мы исчерпали старые темы для разговоров, и становилось все труднее находить какие-то новые, поэтому спустя месяц, ко дню, когда меня перевели из коридора во вторую из трех палат, время, которое мы выделяли на общение друг с другом, сократилось до половины часа.

Накануне этого дня я невольно стал свидетелем разговора, который запомнился мне своим окончанием.

– Ничего, через полгода выйду, – говорил странноватый паренек из надзорки.

– Да не, на полгода и не надейся – не согласилась санитарка, – минимум три.

– Да бросьте, я не настолько болен.

– А у нас тут вообще почти никто не болен! Но ты поспрашивай ребят, сколько они тут лежат, вон, Денис!

– Да? – подключился проходивший мимо больной.

– Сколько ты тут уже лежишь? – спросила женщина.

– Четыре с половиной года.

– Вот видишь, – обратилась она вновь к парню из надзорки, – а я дала тебе всего три, так что отдыхай.

Парень ничего не ответил, а я подумал: «Но мне то врач обещал всего полтора, так что можно порадоваться хотя бы этому, хотя, чему тут радоваться?» – думал я уже на следующий день, лежа на новой койке. Дни проходят скучно и однообразно, делать практически ничего, чтобы поиграть в настольный теннис нужно простоять в очереди минут по двадцать, в волейбол я играть не умею, шахматы поднадоели, а нарды сильно зависят от удачи, поэтому мне не интересны. Телевизор смотреть невозможно: с утра все смотрят новости и передачу «Чрезвычайное происшествие» про пойманных и наказанных преступников, будто здесь их не хватает. Днем он выключен, вечером начинаются бандитские сериалы «Мент в законе», «Псевдоним «Албанец», «Братаны», «Лесник», «Зверобой». Одни названия вызывают сомнения, не говоря уже о том, какое впечатление складывается после просмотра их дешевых реклам. Илья предлагал мне почитать Каббалу и тогда я отказался, но позже я стал подумывать о том, чтобы принять предложение. Читать я никогда не любил, но все же я смог найти необходимую мотивацию. Я представил самого себя в будущем как человека, добившегося успеха в жизни и подумал: чтобы этот крутой я, сказал мне нынешнему, ленивому, валяющемуся по полдня в кровати бездельнику, если б он вошел сейчас в эту палату. "Соберись, тряпка, – сказал бы он, – посмотри на кого ты похож?! Думаешь мне приятно признавать, что я, – по сути слабак, несмотря на все мои достижения? Нет, конечным мерилom человека является не то, что он представляет собой в моменты комфорта и спокойствия, а то, кем он является в моменты трудности и неопределенности. Лучший способ увидеть будущее – это создать его, поэтому ты должен использовать время с максимальной пользой, чтобы добиться наилучшего результата."

В добавок к этому внутреннему диалогу в моей голове проскользнуло то самое смутное воспоминание, которое оставил после себя Ваня, прощаясь, он сказал: "Постарайся извлечь пользу из нахождения в больнице". Связав эти слова с предложением Ильи, я решил, что пора

взяться за книжки. Учение каббалы не стало для меня каким-то грандиозным открытием, поскольку состояло из очевидных утверждений, вроде: "Все поддается математическому расчету" или "Человек может считать себя личностью лишь тогда, когда он чувствует себя заодно со всеми". Книга показалась мне не интересной, но я не отчаивался приобщаться к чтению и заказал матери купить несколько произведений каких-нибудь признанных современных писателей. Мама осиливала одно посещение в месяц, поскольку больница находится в шестидесяти километрах от Москвы, и поездка отнимает много сил и времени. Так что временно пришлось перебиваться книгами из резервов отделения. Параллельно моему литературному развитию строились мои отношения с новым соседом по койке. По воле случая он изучал английский язык и нуждался в подсказках так же, как и я нуждался в объяснении значений некоторых слов. Вот мы и стали обмениваться знаниями, постепенно усиливая зависимость друг от друга. Его звали Слава, по фамилии – Карпов. Он был не в меру толстым, потливым коротышкой, который при своих тридцати семи годах выглядел не более чем на двадцать пять. В первые дни знакомства он казался мне любознательным, обладавший большим жизненным опытом пареньком, приветливым и не кривившим душой, но вскоре мое мнение о нем изменилось. На новом месте было всегда шумно, кто-то кому-то постоянно что-то рассказывал, доказывал, перекрикивая через всю палату, и Слава часто оказывался в центре внимания. Во время чтения я старался не обращать внимания на перипетии больных, но все же волей-неволей замечал, что мой новый приятель всегда ставит последний акцент. Я начал вслушиваться в суть разговоров, в которых он участвовал и потихоньку стал понимать, что этот человек совсем не такой, каким он старается представить себя передо мной. За короткие три недели я стал свидетелем нескольких неординарных случаев, которые характеризовали моего соседа совершенно с другой стороны.

Первый случай произошел однажды перед обедом, когда всех разгоняют по палатам, чтобы спокойно накрыть на стол. Слава влез в разговор сидящих неподалеку парней и начал что-то объяснять про православие.

– Да че ты нам втираешь, ты даже не верующий! – возмутился один из их компании.

– Почему не верующий? Верующий! – возразил Слава.

– Ты даже крестика не носишь.

– Ну и что? Это говорит только о том, что я еще сильнее верую, чем ты, потому что ты нуждаешься в крестике, а я могу и без него. Помнишь, как было сказано "Не сотвори себе идола", а крестик – это тот же самый идол, вот и все.

– Ну да, мы тут все идолопоклонники, – засмеяли его ребята и я разделил их мнение об абсурдности сделанного Славой вывода, заключавшееся в этом сарказме.

Второй случай возник примерно в таких же обстоятельствах. В один из наступивших через несколько дней июньских вечеров половина "жителей" палаты валялась на своих койках. Кто-то вдруг спросил у некоего Димы, помнит ли он, как звали автора романа "Великий Гэтсби"? Тот ответил, что не помнит, что даже не читал этот роман, после чего у Славы родился свой вопрос:

– Дим, а ты читал "Финансиста» Теодора Драйзера?

– Да, читал.

– Ну и что ты можешь о нем сказать.

– Мне он не понравился, в этом произведении главный герой совершает чудовищную безнравственность – соблазняет дочь своего благодетеля, помимо этого он производит незаконные махинации с общественными деньгами и вообще ведет себя вызывающе, представляет собой образ мелкого хищника, к которому автор пытается вызвать сострадание у читателей из-за того, что он попадает в лапы более крупных хищников.

– Ну не знаю, я много от кого слышал, что это отличный роман, почему-то слушая тебя, мне еще больше захотелось его прочитать. Это знаешь, как в одном фильме: проходит начальница в свой кабинет, на пути встречает секретаршу, которая ставит на стул ногу, демонстрируя

сапог и спрашивает: «Как Вам?» начальница говорит: «Слишком вызывающе, я бы такие не взяла», на что та отвечает: «Значит, хорошие сапоги, надо брать», вот так же с тобой – послушай и сделай обратный вывод, – резюмировал Вячеслав и рассмеялся.

– Ну, в таком случае, ты просто не уважаешь мое мнение, – прозвучал ответ Димы.

– Почему же? Ты уважаешь мое мнение, я должен уважать твое, в этом наши отношения обоюдны, – мой сосед был немного растерян, но все же решил, что столь глупое оправдание прозвучит лучше, чем извинение или ссылка на то, что он пошутил. Хотя я скорее поверю, что Слава и не думал о других вариантах.

– Понятно, – сказал немного задетый Дмитрий, отмахнувшись рукой и развернувшись ушел прочь, как бы говоря: "Ни хрена ты не уважаешь". В подтверждение уместности этого красноречивого жеста, я на собственной шкуре почувствовал его безнравственное отношение к окружающему его обществу. В один из таких часов, когда все легли спать, Слава решил почитать книжку и стал машинально трясти ногой. Я терпел тряску кровати пять, десять, пятнадцать минут, но на двадцатой все же не выдержал и вежливо попросил:

– Не трясись, пожалуйста, ногой.

– Что значит «не трясись ногой»? – возмущенно посмотрев сказал Слава, – мне так нравится делать.

– У меня не получается заснуть на шатающейся кровати.

– Ну и что, а я тут причем? Старайся не заострять на этом внимание.

– Ты здесь не один или ты не понимаешь вообще, что такое просьба?

– Это не просьба.

– Пфф, а что это?

– Это не просьба. Мне так удобно лежать, а ты хочешь, чтобы мне стало неудобно.

– Но ты же способен не трястись, это же нормальное человеческое состояние. Вот я и прошу, чтобы ты к нему вернулся и перестал мне мешать.

– Это не просьба.

– Это обычная человеческая просьба.

– Это не просьба.

Устав что-то доказывать, я, немного обозленный, продолжил пытаться уснуть, но совесть у моего соседа так и не проснулась. Как следствие, я пролежал в полудреме весь тихий час. Позднее был момент, когда Слава болезненно отреагировал на вежливую просьбу одной из немногих адекватных санитарок – пройти в столовую. Ей могло попасть от старшей медсестры за то, что больной с утра находится в палате и Слава стал возмущаться, что ему навязывают мнение в том, где ему лучше сидеть и даже не пытался понять положение пожилой женщины, следившей за порядком в палате. Был вечер, когда он в течение часа пытался доказать, что человек способен прожить месяц без воды, что якобы сам являлся свидетелем такого случая, произошедшего в тюрьме. Слава рассказал о заключенном, который объявил сухую голодовку и, хотя за этим заключенным никто не следил, Слава ожидал, что все поверят на слово. Якобы тому парню не было смысла всех обманывать. Половина услышавших эту историю пыталась донести до рассказчика, что ни один человек не проживет и десяти дней без жидкости, "ну, может, максимум продержится две недели" – говорили они, но Слава уперто стоял на своем, называя каждого не согласившегося с ним "глупцом, ни черта не повидавшим в жизни" и тому подобными именами. Но все же отвратительней всего он повел себя, когда однажды кто-то не угостил его тортом. Вместо того, чтобы понять, что лишнего куса для него в этот раз не оказалось, он начал обливать грязью обладателя вожаделенного лакомства, с которым, по всей видимости, раньше поддерживал хорошие отношения.

– Ах, вот ты какой мелочный! – начал гневаться Карпов, подсев за стол к парню с тортом, – Зажал кусок торта! я всегда знал, что ты на такое способен, а теперь смог убедиться в этом. Давай, делись или ты останешься в моих глазах гнилым, мелочным жмотом.

В общем, моего соседа послали подальше, и на этом вопрос был исчерпан. После этого, хотя и другие случаи тоже сыграли свою роль, многие стали отворачиваться от него. По сути, оказалось, что Слава просто любитель поспорить, не умеющий слушать и признавать свою неправоту, самолюбивый и считающий себя умнее других, мнительный тип. Не знаю, зачем мне нужно было общение с таким человеком, но я никак не мог решиться отвязаться от него, мое отношение к нему оставалось прежним за счет чего-то такого, чему я не мог дать определение и всякий раз, когда он исполнял какую-нибудь новую глупость, лишь давался диву: "Какой тонкой является грань между больным и психически здоровым человеком, можно логично и грамотно мыслить и говорить, но при этом не осознавать, к какому из этих двух типов ты принадлежишь. Я не испытывал по отношению к Вячеславу ненависти и чувства злорадства, потому, как лично мне он ничего плохого не сделал, и я не считал его более больным чем себя. Но в тоже время не проявлял к нему жалости или сострадания, надо отдать ему должное, он был крепок духом, никогда не ныл, что ему хочется домой и был всегда весел, все же не все, что он говорил, было глупо и оскорбительно. Порой он произносил вполне себе умные вещи, так, например, он объяснил мне причину большинства криков медперсонала, оказалось, что они руководствуется отнюдь не заботой о соблюдении режима. Нееет. Они просто добиваются нужной реакции, провоцируют на конфликт, чтобы описать больного. Ежедневно ответственный по смене собирает сведения, описывает события за отработанную смену, впоследствии заметки в журнале наблюдений помогут повлиять на решение выписной комиссии. А поскольку лечащие врачи получают деньги за каждое занятое койко-место и ротация больных ужасно низкая, продление срока только увеличивает их доход. Было дело, Слава открыл мне глаза на то, что когда в таких местах, как это, ты встречаешься с суровой правдой жизни, она формирует в тебе сознание либо жертвы, которая во всем винит других, либо больного, который винит во всем себя или свою болезнь, либо преступника, который вообще никого не винит, считая, что, совершив преступление, поступил правильно. Фактически он избавил меня от презрения общества, потому как если бы кто-то подробно расспросил меня о моем преступлении, я признал бы себя пострадавшим. А пострадавших здесь называют «терпилами» и недолжблывают. Поразмыслив, я решил, что все-таки попал в заключение по своей вине, но сказать, сожалею ли я о содеянном или нет, я не мог. Правду говорят: "То, что не убивает нас, делает нас сильнее". Но это выражение, как монета, имеет две стороны. С одной стороны, ты приобретаешь уникальный опыт, с другой – думаешь, зачем он тебе нужен, никто не может гарантировать, что с ним жить тебе будет лучше.

В любом случае теперь я не жертва, а тот, кто переносит тяжелое испытание на собственной шкуре. В середине июля, примерно через неделю после моего второго свидания с матерью, у меня со Славой выдастся беседа, которая несмотря на мою неохоту говорить по теме принесет свою пользу. Я расскажу своему соседу подробности о совершенном мною преступлении, расскажу примерно то же, что и в НИИ Сербского и невзначай спрошу, что он об этом думает:

– Да я-то че могу сказать, – ответит Слава, – ты попал сюда ни за что, куда интереснее, что об этом думает твой лечащий врач, ты у него спрашивал?

– Нет.

– Почему?

– Меня мало волнует мнение того, для кого психиатрия – это наука каждый человек – пациент, а его жизнь – история болезни, – отвечу я. "И того, кто, выслушав правду, отберет то единственное, что мне дорого попыткой перевернуть мой взгляд на произошедшее" – додумаю я про себя, но, как выяснится, окажусь несправедливым к Александру Александровичу.

– Сан Саныч – другой врач, он верит больным и не лезет в душу. Вон, посмотри, сколько всего нам разрешено и плеера весь день слушать и колбасу на ужин можно оставлять, и фильмы после отбоя смотрим, в других отделениях такого нет, Сан Саныч проникнут пониманием к

таким, как мы и винит не нас и даже не нашу болезнь, по его мнению, во всех бедах виновата человеческая глупость. И, возможно, он в чем-то прав.

Так Слава с легкостью разрушил созданный мной стереотипный образ врача и добавил:

– А самое умное, что ты можешь сделать – это записаться к нему на беседу и попросить пристроить себя на какую-нибудь работу, она положительно влияет на скорость выписки.

Впоследствии я решаюсь на откровенную беседу со своим врачом, а еще до того, как это случится, где-то во второй половине сентября после прочтения подаренной мне на День рождения трилогии Толкиена "Властелин колец", я смогу дать оценку нашим со Славой отношениям. Для меня он являлся кем-то вроде Голлума для Фродо, и, хотя у меня не было нужной ему "прелести", а сам он был далек от образа состарившегося дрыща, незаметно следившего за каждым движением своей жертвы, причина, по которой я продолжал общаться с ним была такой же, как у этих двух вымышленных персонажей. Словно прислушиваясь к словам мудрого Гендальфа о том, что несмотря на свою враждебность Голлум может быть полезен, возможно сыграет важную роль в истории Средиземья, я осознаю, что разделаться с ним можно в любой момент без особого труда, а потому стоит дать ему время, чтобы посмотреть, как он себя проявит.

Но все это произойдет позже, а пока я привыкаю к новым снам, знакомлюсь с нюансами больничного быта и делаю выводы из прочитанных мною книг.

Сны, как оказалось, были самыми обычными человеческими снами, бессвязными и загадочными. Илья, которому я рассказал об одном из них, сказал: "Цветные психоделические сны видят почти все пациенты психиатрических больниц, виной этому разные психотропные препараты, и, по всей видимости, вынужденное постоянно работать воображение". Илья не знал и как большинство не должен был знать о том, что раньше я видел только кошмары, поэтому, в чем разница между психоделическими и обычными снами, я так и не выяснил. Зато теперь я хотя бы понял для себя, куда делись сны с девушкой-ангелом. Похоже, они заблокировались нейрорептиками.

Под нюансами быта я подразумеваю мелочи, на которые обращаешь внимание только со временем: на грязные ржавые трубы в туалете, на старые неработающие противопожарные датчики, висящие на потолках с пятнами от протекшей воды и длинными трещинами. Постоянные протечки дешевых смесителей, ежедневный обстрел вороньим пометом во время прогулок во дворе, время от времени попадающиеся стулья с гнутыми ножками, на которых неудобно сидеть, неожиданное отключение горячей и холодной воды и т.п. А еще запоминаются всякие фишки, присущие разным "колпакам" – безобидным психам, находящимся стабильно в больном состоянии. Так, например, если Пете Прялко предложить конфету и спросить "кто ты?" он будет придумывать любые ответы, чтобы заслужить ее.

– Петя, ты кто?

– Фекла.

– А еще кто?

– Муха Цеце.

– Что она делает?

– Налетает на говно.

– Еще кто?

– Гадюка.

– Как она выглядит?

Показывает поднятую руку, согнутую в кисти.

– Еще кто?

– Колпак.

– Большой, маленький?

– Средний, ну дай конфетку.

"Отработав", Петя получает награду. Или не получает, очень часто он верит, что в закрытом кулаке находится конфета, а оказывается, что в нем пусто.

Другим кадром был Антон Зебров, которого, как выяснилось, выпустили из надзорки впервые за полтора года. Почему его там так долго держали непонятно, он всего лишь толкнул кого-то там плечом, но, как мне объяснили, здесь – это нормальная практика. Если твоим лечащим врачом становится кто-то вроде Кирилла Андреевича, ординатора и помощника Александра Александровича, то можно получить подобное наказание даже за безобидную шутку про побег. Антон постоянно прислонялся к стенам пятой точкой и, раскачиваясь взад-вперед хлопал в ладоши, а все его общение заключалось в том, чтобы послать кого-нибудь куда подальше. Наблюдая за ним, язык не повернется сказать, что интенсивное лечение, которое получают в надзорке пошло ему на пользу, но теперь он хотя бы чуть более свободен.

А еще он любит показывать "тюфель" и "мегреть". Впервые я увидел тюфель и мегредь сидя на толчке. Ко мне подошел Антон и показав странный жест – согнутые в фалангах пальцы, произнес: "мегреть", я с десяток секунд тупо смотрел на него, пока сосед сидевший на другом из трех толчков не произнес:

– Он от тебя не отстанет, пока ты ему не покажешь тюфель.

– А как это? – спросил я.

Сосед показал мне такой же жест только с оттопыренным большим пальцем.

– Тюфель, – сказал я, повторив этот жест, и Антон удалился. В случае, если он показывает «тюфель» первым, нужно было показывать «мегреть» соответственно.

Третьим примером классического колпака был молчаливый старичок, бывший профессор Михаил Иванович. У него было целых три фишки, и кто знает, со временем их может стать еще больше. Время от времени этот старичок жалуется на головную боль первому попавшему больному; если повезет – попадается "знающий" человек и Михаил Иванович получает дельный совет. Все советы повторяются и примерно одного типа, но он всякий раз удовольствием им следует.

– Достаньте языком до носа, Михаил Иванович.

– Достаньте языком до подбородка.

– Помассируйте свой кадык.

– Потрите уши.

– Сплюньте.

Выполнив все, что бы там ему не посоветовали, он благодарит за помощь и, заверив, что все прошло, удаляется с широкой трехзубой улыбкой.

Другой прикол с Михаилом Ивановичем в главной роли я увидел, когда однажды его попросили станцевать. Он вскочил с лавки, вздернул подбородок кверху и, напевая "twist again", стал крутить всеми частями своего тучного тела. «Браво, браво, станцуйте еще!» – обычно подначивали старика, но он, как правило, ограничивался одним танцем. Но больше всего мне понравилась его третья фишка, самая короткая и самая востребованная. Заключалась она в том, что нужно подойти к старичку и торжественно заявить: "Михаил Иванович, на нашем радио выступает!..."

–Энгэбэ Хампэбэ, – кричит он во всю глотку всякий раз, когда это слышит. О том, кто такой Энгэбэ Хампэбэ и что он исполняет, никто из отделения не знал, но спустя два года, после того как родилась эта шутка и в очередном Евровидении выступил семидесятипятилетний Энгельберт Хампердинк, все стало ясно.

Были и другие колпаки, но их фишки вполне нормальны для отделения общего типа. И, хотя некоторые из них специально пытаются завоевать статус главного фрика, Михаил Иванович, даже несмотря на свое переменчивое настроение, из-за которого он зачастую отказывается смешить окружающих, остается самым забавным и популярным колпаком.

Так вот, кроме снов и больничной бытовухи меня еще стали занимать книги. О! От тех трех произведений, которые мне привезла мама, я был в восторге. Сюжет вкратце не расскажешь, а те, кто хотят услышать изложение в развернутом виде, могут и сами прочитать эти книги, поэтому все, кто спрашивал "О чём книжка?" получали ответ: "Хочешь – возьми почитать, узнаешь". Сначала я прочитал Пауло Коэльо "Алеф", это произведение поразило меня тем, сколько мистики скрытой и явной содержится в окружающей нас среде обитания. А еще мастерством слова писателя, с помощью которого он делает философию своей жизни понятной и доступной. Не то чтобы я обзавидовался, но способность красиво выражать свои мысли не помешала бы. Затем я взялся за Харуки Мураками "Кафка на пляже". За триста страниц этот японский писатель убедил меня в том, что каждое мгновение по-своему прекрасно. Ведя повествование в стиле рассказа старого доброго друга, он внушает чувство преданности, доверия, с помощью которых всецело полагаешься на его (друга) плечо, погружаясь в мир автора, полный недосказанности и метафор.

Конечно, подавляющее большинство метафор я не понял, но, по крайней мере, я приобрел способность такого необычного выражения чувств. Вдохновившись книгой, я даже придумал пару собственных метафор: "Мое сердце настроилось на ту же волну, что и твое" или "Этот цветок пахнет надеждой". Смысл названия "Кафка на пляже" я так и не понял. Возможно, имелось в виду, Кафка отдыхает, то есть не идет ни в какое сравнение с этим произведением. Но я не знаю, есть ли такой оборот в японском языке. Да, впрочем, какая разница.

"Название и обложка в наше время очень часто не сходятся с содержанием" – прокомментировал мой комментарий Илья.

Я бы с ним не согласился, но в силу моего малого опыта спорить не стал, тем более, что он это произнес немного не в тему, скорее, из поучительных побуждений.

Напоследок я оставил книгу Бернара Вербера "Дыхание богов", облаченную, в отличие от предыдущих двух, в мягкую обложку. Увлекательное, легкое чтиво из Франции. "Дыхание богов" – заключительное произведение тетралогии, вызвавшее у меня естественный интерес к прочтению предыстории, несмотря на то, что она вполне могла бы существовать отдельно. Плюс у него неоднозначный конец, поэтому, кто знает, может, однажды доведется прочитать продолжение. Как удивительно! Эти три автора, три совершенно разных человека, родившихся в противоположных концах планеты, несмотря на расстояние близки, как никто в этом мире. Ведь они, возможно, даже, не зная о существовании друг друга, существуют бок о бок каждую секунду пространства. В интервью, данном одному и тому же журналу, или каналу, в рекламах, на улицах одних и тех же городов или на страницах книжных каталогов; но теснее всего – на полках и в сердцах читателей из всевозможных стран. Они сосуществуют так близко друг с другом и в тоже время так далеко.

Конечно, обидно, что раньше я не мог нормально уделять время чтению и в моем сердце не сохранилось даже одной короткой строчки, которая бы мне понравилась, но теперь – у меня его полно, чтобы наверстать упущенное и я с нетерпением жду следующей партии книг. Она поступила двадцать восьмого августа, в день, наступивший ровно спустя девятнадцать лет после моего дня рождения. Но в этот раз, к моему удивлению, это были не современные произведения, а трилогия автора, жившего на рубеже девятнадцатого века – "Властелин колец" Джона Р. Р. Толкиена: "Братство кольца", "Две башни", "Возвращение короля". Я скептически отнесся к такому подарку, сказав, что мне понравились произведения предыдущих трех писателей, в первую очередь, мне хотелось бы прочитать все, что написали они. Но мать пояснила, что это "must read", если я хочу быть актуальным, то эти книги пропускать нельзя, хотя я уже и посмотрел экранизации. Как следствие, я без лишнего воодушевления взялся за их чтение, но не пожалел об этом. В дальнейшем мама стала привозить только Коэльо, Мураками и Вербера. В середине октября я прочел по два произведения каждого из них. В результате во мне вспыхнуло желание поделиться впечатлениями с компетентным человеком. Если на самом

деле мой лечащий врач такой интеллигент, каким его описал Слава, то он должен знать и иметь собственное мнение о творчестве этих писателей.

– Можно войти? – спросил я, просунув голову в приоткрытую дверь кабинета врача спустя час после обхода, на котором я записался на беседу.

– Проходи, садись, сказал Александр Александрович, указав на стул посреди кабинета, – Ну, с чем пожаловал?

– Да вот, я тут почувствовал, что не прочь заняться каким-нибудь полезным делом по больнице, – сев, решил я издалека начать беседу, – есть какие-нибудь вакансии?

– В принципе, да, есть. Если хочешь, могу записать тебя в "ЛПМ" клеить конверты или ходить за пищей. Вопрос только в том, сможешь ли ты это вынести?

– Ну, конверты клеить как-то не по мне, а вот пищу я уже носил в пятнадцатой больнице, так что это не проблема.

– Точно? смотри, у нас тут десятилитровые ведра, думаешь, потянешь?

– Десяти? – засмеялся я, – не знаю, я раньше с кем-то носил на пару одну большую кастрюлю. У вас такой тут нет?

– Нет

– А, ну тогда – не стоит, а больше у вас тут нечем заняться?

– У нас тут можно много чем заняться, есть строй группа, музыкальный клуб, работа непосредственно на пищеблоке, работа в пределах и за территорией... проблема только в том, что сейчас все места заняты. Единственное, что может тебе подойти – это работа в отделении.

– А что именно надо делать?

– Убирать дворик, ухаживать за цветами, проводить генеральную уборку в палатах, коридоре и столовой, в общем, все в таком духе.

– Туалет нужно мыть?

– Нет, на это есть отдельный человек.

– Тогда я не против. Скажите, это может как-то повлиять на выписку?

– Ну да, всё, чем ты занимаешься, учитывается на комиссии.

– Как еще можно на нее повлиять? – закинул я удочку.

– Ну, здесь приветствуется умение играть в волейбол, настольный теннис, шахматы, ежегодно в больнице проводятся соревнования, и было даже пару случаев, когда призом за первое место было выписка. Приветствуется способность рисовать, нам бы не помешали стенгазеты к праздникам, ну или, если не умеешь, могу дать тебе учебник с чернилами и кисточками, поучишься рисованию в стиле "Суми-э". Ну и, если ты вообще занимаешься самообразованием, саморазвитием или просто читаешь какую-то литературу, то это, естественно, тоже будет упомянуто на комиссии. Отлично, наживка проглочена. Прямо знал, что он скажет про книжки. Теперь можно незаметно отклониться от темы. – А, я вот, кстати, постоянно читаю. Мои любимые авторы: Бернар Вербер, Пауло Коэльо и Харуки Мураками. Знаете таких?

– Да, конечно знаю.

– Читали из них что-нибудь?

– Ааа, да, читал. Читал Вербера одну книгу, что-то там про муравьев, не понравилось, дуристика какая-то.

– Дуристика?

– Ну да. Дурацкая литература. Я называю ее дуристкой.

– Ага, ясно.

– Читал еще "Что я имею ввиду, когда говорю о беге", я сам до травмы колена был неплохим бегуном, поэтому и заинтересовался этой книгой. Отличная вещь. С каждой прочитанной страницей возрастала решимость встать пораньше, да пробежать километр другой, но с железной пластиной в ноге далеко не убежишь, поэтому оставалось только отдать дань уважения автору, который еженедельно пробегает около сорока километров.

– Не мало.

– Да. Потом, если память не изменяет, это их произведения "Охота на овец", "После-мрак", "Вероника решает умереть", их я читал давно и уже плохо помню, о чем они. Ну, естественно, я прочел "Алхимика".

Слушая врача, кивая головой, я готовился проявить свои знания. Я понятия не имел, какие из перечисленных им произведений принадлежали Мураками, а какие – Коэльо. И мне бы следовало промолчать, чтобы не позориться, но вот это "естественно, я прочел Алхимика" прозвучало так логично, что я не смог удержаться от вопроса:

– А Алхимика кто написал?

– Как же так, Коэльо – один из твоих любимых писателей и ты не читал его главной книжки?

– Да нет, вот как-то не довелось.

– А что еще кроме этих писателей ты читал?

– В основном только современную литературу – немного слукавил я.

– То есть, ты даже не знаком с такими шедеврами, как, например, "Мастер и Маргарита" Булгакова или "Преступление и наказание" Достоевского?

– Нет, не знаком. Но я не особо переживаю из-за этого. Для меня "Пятая гора" того же Коэльо, или, как вы сказали, «дуристика» в стиле Вербера ничуть не хуже произведения любого русского мэтра. А у вас, кстати, есть любимая книга?

– Ну, я поклонник мировой классики, а в ней много хороших вещей: "Божественная комедия" Данте, "Граф Монте Кристо" Дюма, "Фауст" Гёте, выбрать из них лучшее сложно, но, если тебе интересно, из последних мною прочитанных книг мне больше всего понравилась "Дракула" Брэма Стокера. В ней есть отличные слова: "Болезнь и слабость эгоистичны и обращают все наши помыслы и симпатии на самих себя, а здоровье и силы прищипывают любовь, и в мыслях, и чувствах ты тогда можешь бродить, где заблагорассудится" – очень метко подмечено. И таких выражений в классике уйма, в то время как в современной литературе, чтобы их найти, надо очень сильно поднапрячься, хотя иногда, несмотря даже на отсутствие философии, бывают, попадаютя совсем неплохие вещи.

Слушая, как критикуют мой только что начавший формироваться литературный вкус, мне, как никогда, сильно хотелось возразить. Но, к своему сожалению, обнаружил, что я не могу вспомнить ни одной умной мысли из тех, которыми я восхищался, читая "своих любимых писателей". Возможно, я вспомнил бы в дальнейшем из какой-нибудь ассоциации или наводящего вопроса, поэтому решил послушать, что он скажет:

– "Призрак оперы" – хорошая книжка, к сожалению, не помню автора, "Парфюмер" Зюскинда, "Пигмалион" или "Кандида" Бернарда Шоу, потом "Левая рука тьмы" Урсулы ле Гуин, слышал про эти произведения?

– Нет, – ответил я, мотнув головой, и понял – этот диалог ни к чему не ведет. Я упустил свой момент блеснуть интеллектом, пора опять сменить тему – но подождите, что Вы там говорили насчет болезни и слабости?

– Что они эгоистичны и обращают все наши помыслы симпатии на самих себя. Вроде бы это сказал Ван Хельсинг – профессор, определивший, что подругу главной героини укусил вампир – Nosferatu, коим и был Граф Дракула. Кстати говоря, Брэм Стокер, создавая образ графа Дракулы вдохновлялся историей из жизни реального человека – Влада Цепеша – крестоносца, владевшего в пятнадцатом веке некоторой частью земель в Трансильвании. Он пере-сажал огромное количество людей на кол, прославившись своей кровожадностью, как самый жестокий тиран своей страны. О нем ходили слухи, что он пьет человеческую кровь, в общем, да, очень интересная литература, если будет возможность – почитай.

– Не знаю, посмотрим. И все же, насчет болезни и слабости, – вернулся я к попытке увильнуть от литературной темы, о выборе, которой я уже успел пожалеть – я хотел бы задать

вам вопрос, который когда – то задала моему классу одна учительница: "Как по-вашему, самоубийство – это сильный поступок слабого человека или слабый поступок сильного? Неужели, по-вашему, я решил расстаться с жизнью только из-за того, что мои помыслы и симпатии были обращены на себя, ведь я вроде как болен..."

– Хм, самоубийство, несомненно, слабый поступок. Куда проще умереть, чем стойко сносить мучения жизни, а вот кто на это способен – зависит от ситуации. Это может быть сломленный силач и отчаявшийся слабак. Насчет твоего случая скажу так: акты суицида разделяют на три вида: эгоистические, альтруистические и аномические, но существует исключение – это самоубийство из-за острых психических расстройств. Вот такое исключение как раз произошло с тобой. По всей видимости, ты стал жертвой ПТС – посттравматического синдрома, который появляется у многих людей, получивших серьезную душевную или физическую травму. Среди симптомов ПТС: бессонница, кошмары, страх, невозможно невозможно успокоиться, отсутствие собранности, вялость, расслабленность, полный отказ от еды, апатия ко всему. Силы остаются лишь на борьбу с собственными тягостями, вся прочая деятельность автоматически отвергается, в общем, примерно все то же самое, что ты описал в городской больнице. Полностью избавиться от ПТС невозможно. Полученная рана будет оставаться, пока свежа память. По-моему, ты просто чрезмерно распереживался из-за расставания с девушкой, но тебе не стоит комплексовать: то, что ты столь чувствителен – отнюдь не недостаток, наоборот, это говорит о тонкости твоей душевной организации, попавшей под атаку болезни, действие которой, в свою очередь, можно приглушить, благо медицина сильно развилась за последние пятьдесят лет. Знаешь, что делали с психически больными в начале двадцатого века?

– Не представляю.

– Сперва считалось, что причина болезни кроется в зубах того или иного сумасшедшего и ему их все до единого выдирали. Если это не помогало, то вслед за зубами удалялись разные внутренности, после чего больной, естественно, умирал. Позднее на смену этому методу пришла трепанация черепа с отсечением белого вещества, а затем упрощенная версия этой операции. Брался нож для колки льда и молотком забивался в кость глазной впадины, чтобы попасть в определенную долю головного мозга, вследствие повреждения которой человек превращался в овощ, и страдали не только действительно больные, от многих попросту таким образом избавлялись, потому что врачи не особо вникали в подробности и причины болезней их пациентов.

– Вот насчет причин, – вторгся я в повисшую паузу, – я ведь впал в депрессию не только из-за разрыва в отношениях со своей девчонкой...?

– Нет, не только, но тут надо понимать, что любовь сыграла роль фундамента для твоего психического расстройства. Вообще, это чувство тоже болезнь. В международной классификации болезней любовь фигурирует под шифром F 63.9 – «Расстройство привычек и влечений неуточненное». В разъяснении этого определения отмечено, что к такого рода патологиям относится «периодически возникающее непреодолимое желание совершить опасное для себя и окружающих действие, которому невозможно противостоять». Таким образом, любовь стоит в том же ряду, что и kleптомания, пиромания, патологическая вежливость или страсть к азартным играм.

– То есть, по Вашим словам, получается, что одна из моих болезней перетекла в другую. Хорошо, если так – то мне непонятна еще одна вещь. Признаюсь, что кое-что не договорил, когда вы меня спросили в прошлой беседе о моей миссии – я хотел сбежать в Америку не просто так, а для того чтобы быть рядом с Кэтрин – моей бывшей. Получилось бы у меня вернуть ее или мы остались бы друзьями, мне было все равно. Так неужели мое решение перебраться поближе к девушке, время с которой, как я рассудил, было лучшим в моей жизни, пришло ко мне тоже по болезни? Я бы взял денег у матери, да и вернулся б на родину к отцу. В моих

планах не было ничего невыполнимого – я хладнокровно переврал историю о моих поисках девушки-ангела, но, в целом, оставил суть интересовавшего меня вопроса.

– Видишь ли, зачастую влюбленности присуща одержимость объектом любви, что обычно в психиатрии квалифицируется, как синдром навязчивых состояний – человек стремится к своему кумиру, постоянно думает о нем, даже кратковременную разлуку воспринимает как трагедию. Подобная хвороба отличается своим непреодолимым характером, а также – невозможностью с помощью силы воли избавиться от нее. Ослепленный любовью человек теряет уважение к себе, а иногда и личностные цели, превращаясь в добровольного раба своей любви. Такого рода психическая зависимость от объекта влечения сродни наркотическому пристрастию, она связана с теми же внутренними механизмами в организме, что и истинная наркомания. И, как большинство наркотиков, действует не только на мозг, но и на сердце, которым, кто бы что ни говорил, мы собственно, любим. В доказательство этому, кстати, существует интересная болезнь – болезнь Такацубо, так называемый синдром разбитого сердца. Это – когда эмоциональная травма приводит к ослаблению сердечной мышцы, вызывая сердечную недостаточность. Так что любовь не только приносит боль, она еще и смертельно опасна. Только человек не может без нее жить, так уж он устроен.

– Согласен. А вот что бы Вы сказали, если б я заявил, что это не я нанес себе порез, и что именно из-за того, что я его получил, у меня прекратились галлюцинации? – спросил я и вспомнил слова Славика, с которыми я был теперь солидарен, мне действительно стало интересно знать, что думает Александр Александрович о моей болезни, как, в принципе, и об остальных «аномалиях» в моей жизни. Почему же мне стало важным его мнение? Задумавшись, я впервые внимательно посмотрел на него и обратил внимание, на то, чем он отличался от других врачей, с которыми мне довелось пообщаться. В отличие от очкастого коротышки, который уговорил меня госпитализироваться, толстопузого бородача, который принял меня в пятнадцатой больнице и по-учительски строгой блондинки, которая допрашивала меня в НИИ Сербского, Александр Александрович выглядел как нормальный человек, в пример этим врачам, молодой, подтянутый и какой-то простой что ли. Его голос был уверенным, говорил он внятно и доходчиво, а пристальный взгляд, который он не сводил с меня в течении всего диалога, словно говорил: "Парень, я – то на своем месте, а вот ты, похоже, потерялся, так что иди-ка ты ищи свою дорогу и не трать наше время на пустую болтовню. У нас разные цели". Но, несмотря на то, что судьба уготовила мне стать пушечным мясом, а ему – работу с бумагами в личном кабинете, выражаясь его словами, он – такая же боевая единица, как я, и вполне способен меня понять. А поскольку он не по годам умен (на вид ему было лет двадцать), отзывчив и, несмотря на характер работы, не похож на частичку бездушного механизма под названием система, то, мне кажется, он принадлежит именно к такому типу людей, которые судят о вещах бескорыстно и объективно.

В моей голове эти мысли имели гораздо более сжатую форму. Соответственно, к этому выводу во время диалога я пришел гораздо быстрее: "Похоже, он действительно интеллигентный человек и компетентный врач, более подходящей кандидатуры, чтобы разобраться со скелетами в моем шкафу мне не найти". Но, несмотря на преодоленный мною страх того, что кто-то может посягнуть на территорию моего личного мировоззрения (слишком уж крепкие стены я воздвиг вокруг него, чтобы бояться перемен), после встречного вопроса Александра Александровича о том "кто же тогда нанес мне ранение", я все равно почувствовал, что речь коснулась запрещенной темы. И, вместо того чтобы рассказать об ангеле, за которого я так тревожился, ответил следующее:

– Не то чтобы я совсем был к этому не причастен, но, мне кажется, что тогда в меня вселился демон, а, завладев моим телом, попытался завладеть и моей душой, как по – Вашему, могут к моему недугу иметь отношение высшие силы. Что В, в целом, думаете о чудесах, проклятиях ?

Вот и получается, что я до сих пор верю в наличие табу об ангеле, при нарушении которого я могу никогда с ним не увидеться и из-за которого ко мне вернутся мои галлюцинации. А вдруг, после столь долгого сопротивления навязчивым идеям, я вновь начну думать в том же ключе, что и раньше? Ведь это одновременно – ключ к моему безумию и к сердцу. К моей цитадели грез и мечтаний.

– Я не могу отрицать существование Бога, но, все же, верю только неоспоримым фактам, в то, к чему могу прикоснуться. А поскольку факты говорят о том, что, каждый год в мире появляется с пару десятков новых болезней, то я склонен полагать, что твои галлюцинации появились из-за какой – нибудь новой разновидности шизофрении. Ну, и меньше всего мне верится, что какому – нибудь демону взбрело в голову избавить тебя от мучений, пусть даже столь экзотическим образом, это просто не логично. Я мог бы дать рациональное объяснение каким-то необычным и редким случаям, но оно было бы оспорено человеком верующим при недостатке рационализма или, наоборот, не верующим при его избытке. Угол зрения зависит от позиции, а поскольку мы здесь лечим не "верующих", а больных, то, сдается мне, тебе лучше поговорить об этом с батюшкой. На третьем этаже главного корпуса у нас находится храм, где батюшка в церковные праздники причащает и исповедует больных. Если тебе чуждо православие или еще по каким-то причинам не хочешь читать молитвы и причащаться, тебе все равно это не мешает просто побеседовать на духовные темы с компетентным в этой области человеком, а там и решишь, насколько его факты неоспоримы. Мое же мнение; то состояние, в которое ты впал, когда решил свести счеты с жизнью, было лишь последствием обострения твоей болезни. Однако, не стоит забывать, что граница между больным и здоровым человеком иллюзорна, фактически – ее нет. Поэтому причины, по которым здоровый человек идет на безумство или по которым некоторые больные поступают более человечно, чем здоровые, могут быть самыми разными, но, когда кто-то теряет над собой контроль, мы – врачи выделяем отклонения в психике как главный фактор, повлиявший на решение или поступок, а, в целом, можно сказать: «Бог его знает, что там творится у тебя в голове». Если же ты хочешь в этом разобраться, то не стоит и пытаться избавиться от неизлечимого, твою болезнь нужно принять и обуздать и в продолжение книжной темы, если надумаешь взяться за классику – почти «Декамерон» Джованни Боккаччо. Эта книга многим помогла облегчить духовные страдания... К слову, запомни имя «Щеголек», на мой взгляд, его история – самая удивительная.

– Возможно, Вы правы насчет болезни. Но все же, раз есть обострение, значит, должно быть и какое-то просветление? – спросил я, вспомнив о своем внезапном выздоровлении, когда врач упомянул о неизлечимости.

– Да, оно имеет название "ремиссия". Обычно она достигается с помощью таблеток и так называемой стенотерапии, но если говорить о твоём восстановлении после Сербского, я так понимаю, тебя это интересует?

– Да, – он просто читает мои мысли! А ведь я не рассказывал ему об этом. Интересно... Видимо, он пообщался с моей мамой. Другого варианта нет. Но почему она мне об этом не сказала? И что еще пытался из нее выудить врач? Надо бы разузнать!

– Улучшение твоего состояния определенно было вызвано шоком и приложенными тобой усилиями забыть обо всем произошедшем. Больше всего, я считаю, тебе помогла работа. Как известно, работа – одно из лучших лекарств от множества недугов, поэтому в больнице и существует трудотерапия. Так что, иди-ка ты трудись да лечись. Давай на этом пока остановимся, мы с тобой болтаем уже без малого два часа, а у меня остались еще кое-какие дела.

Меня так и подмывало разузнать у него содержание их диалога с матерью, но, решив, что мне представится еще масса возможностей потолковать о жизни с врачом, я поблагодарил его за беседу и вышел из кабинета ощутив на себе красноречие его сопровождающего взгляда: "Чудесный экземпляр"-наверное, подумал он.

Как оказалось, еще раз поговорить с Александром Александровичем возможности не представилось. Через два дня его перевели работать в другое отделение. А еще через пять на его место посадили старушенцию, и, хотя я не успел себе наметать досрочную выписку, за прилежное поведение и все такое, меня мало заботила эта замена, поскольку мой новый лечащий врач, выглядела не менее дружелюбной. К сожалению, это впечатление продержалось только три недели, ровно до ближайшей комиссии. То, кстати, была моя первая комиссия и, хотя я не надеялся на выписку, она показалась мне слишком примитивной, а врач – холодно-кровной. Председатель комиссии удовлетворился всего двумя ответами, первый он получил, задав мне вопрос "с каких пор я болею", второй – "какое отношение у меня с родителями". После двух элементарных ответов я получил разрешение вернуться в отделение. Негодяя про себя о моем участии в этой бессмысленной, как ее называли больные, лотерее и о напрасной трате нервов из-за напряженной обстановки, раздутой вокруг этого события, я пошел переодевать выданную для комиссии форму обратно на больничную одежду. По дороге в палату меня многие спрашивали: "Ну, что сказали?" – на что я, как и все выходявшие в этот день из кабинета врача, отвечал: "Еще полгода". Среди интересовавшихся оказался и Илья, которому я излил свое недовольство. В ответ я услышал:

– Знаешь, нас сюда посылают с понтом вылечиться, а на самом деле все судьи, которым отсылают наши истории болезней, понимают, что врачи в таких больницах самостоятельно судят о нужной мере наказания. Даже если ты в течении полугода будешь из кожи вон лезть, трудясь на пользу больницы и станешь лучшим примером прилежного поведения, у врачей все равно найдется отговорка вроде: "Прошло еще слишком мало времени, чтобы определить, достиг ли ты ремиссии". Да что там через полгода, они многим и через два повторяют это. Так что, здесь никто быстро не выздоравливает, принимай первые две-три комиссии за простую формальность.

– И что, никто не уходил за полгода? – с сомнением удивился я .

– По крайней мере, мне известен только один случай. Однажды сюда положили адвоката, естественно, обладавшего обширными знаниями в области юриспруденции, необходимыми в его профессии, и он не преминул ими воспользоваться. Результат – через полгода он уже был дома. Из этого следует вывод, который сделал какой-то писатель, не помню, какой : "Люди могут или обладать знанием и править собой самостоятельно, или пребывать в неведении и позволять, тем у кого есть знание, править ими .

Я, конечно же, понимал, что отношусь ко второму типу, но у меня был еще целый год, чтобы сфокусироваться на самокопании и измениться, а, поскольку, за книжками время летит незаметно, то я и не слишком сильно сожалел, что я не адвокат.

Но все же все было не так просто. Я все никак не мог отойти от воспоминаний, нахлынувших перед комиссией, когда я готовился к всевозможным вопросам, которые могли на ней задать. Галлюцинации, сны, ангел, музыка в голове; прошлое пыталось вернуть меня к тому состоянию, которое, я уже признал болезненным и мешало мне расслабиться. А тут еще новая заведующая начала наводить шухер в отделении. Сперва она взялась за перестановку. Поставила шкафы, тумбочки, скамейки как считала нужным, перенесла библиотеку из подвала в комнату свиданий, перенесла раздевалку в подвал, а вместо раздевалки появилась комната ответственной по смене. Возможно, все это было и на пользу, только за этим последовала череда беспричинных запретов, цели которых не объяснялись или имели очень глупые объяснения. Так, например, шкаф для сухих продуктов вроде вафель, печенья и пряников, которые больные оставляли на ужин, превратился в шкаф для хранения сахара и одна из немногих радостей – попить вечером чай с какой-нибудь вкусностью, просто исчезла. Душем в не-бан-ные дни стало разрешено пользоваться исключительно тем, кто ходит на пищеблок, так что остальным оставалось только вонять. Были запрещены все флешплееры и те дисковые, которые остались, больше нельзя было слушать лежа, а затем и брать с собой на улицу.

Естественно, из-за подобных "мер предосторожности", как иногда оправдывала свои действия Юлия Викторовна (так звали эту напасть), больные стали выражать свое возмущение.

Я же теперь не только не мог дать волю своему мнению, но еще и был не в состоянии сконцентрироваться. Каждое второе предложение приходилось перечитывать. Мысли стали путаться, словно играя в чехарду в моей голове, и, как следствие, мне стало казаться, что многочисленные недовольства, от которых мне некуда было деться, относились ко мне. Услышал, например: "А ее, что, это волнует?" – неизвестно к кому имевший отношение вопрос, а сам подумал, что это о девушке-ангеле. Было, например, выхватил обрывок из чужого диалога: "А когда он узнает, что мы будем делать?" и принял это на свой счет. И так постоянно, а даже если и знаю, о ком идет речь, воображаю, что косвенно подразумевают меня или объект моей, не до конца увядшей любви. Дошло даже до того, что однажды на прогулке, сидя за читальным столиком, мой сосед, время от времени смеявшийся над своей книгой, потешается надо мной. После этого случая полоумные шутки всяких колпаков, десятки которых я слышал ежедневно, стали врезаться в мою память.

В итоге я пришел к выводу, что все вокруг специально несут весь этот бред, чтобы свести меня с ума, а если и воцарялась тишина, то казалось, только из-за того, что они иногда "размышляли над моими мыслями". То ли все вокруг были телепатами, то ли существовала какая-то последовательность – какой-то неведомый мне закон или секрет, за которым стоит некая конспирация, но, так или иначе, я во всем сомневался и однажды вновь почувствовал, как у меня сосет под ложечкой (если это так называется). На этот раз я понял, откуда взялось это ощущение. Мне казалось, что все больные и так все знают о девушке ангеле и это "само собой" делает меня очень важной персоной, хотя почему ко мне столько внимания, я догадаться не смог. Теперь всякий раз, когда мне казалось, что я разгадаю суть интриги вокруг меня, что-то отвлекало меня, из-за чего я раздражался и бесился. Порой хотелось заорать, чтоб все заткнулись и оставили меня в покое, но мне еще с начальной школы было известно, что судьба – это не Бог, судьба – это случай, а раз так, то и винить за то, что со мной происходит, я мог только себя. А вот Бог как раз-таки мог мне помочь, не к бестии – врачу же мне обращаться ... насколько я понял, жалобы на состояние являются основной причиной отсрочки выписки.

Ближайший церковный праздник "Введение в храм пресвятой Девы Марии" должен был состояться четвертого декабря и я решил записаться на службу. В назначенный день, не являвшийся постным, меня и еще несколько человек из моего отделения, отвели на третий этаж главного корпуса. Там, после того, как у ворот в небольшой храм собрались волонтеры со всей больницы, батюшка пригласил всех внутрь и начал службу. За все то время пока батюшка читал молитвы, я разобрал лишь несколько отдельных слов и интересное изречение: "Слушай здесь, ибо пришел ты во врачевницу и не исцеленным не выйдешь" но все же послушно выстоял всю литургию.

Закончив, батюшка сошел с амвона и стал исповедовать желающих, выстояв условную очередь, я собрался с духом и заговорил:

– Здравствуйте, отец Александр.

– Здравствуй, как тебя зовут?

– Джон.

– Согреших, Джон?

– Каюсь, святой отец, но я не с исповедью хотел обратиться к Вам. В конце прошлого года я заболел и сейчас моя болезнь стала проявляться в рассеянности и беспочвенной раздражительности. У меня такое чувство, что Бог бросил меня и никакое чудо мне уже не поможет.

– Бог никого не оставляет, он – вселюбящ, и, чтобы открыться, его любви нет необходимости в чуде. Конечно, для многих оно является единственным условием для того, чтобы принять в свое сердце Иисуса, но не мало обходится и без этого. Есть те, кому важно правильно истолковать священные писания, другим – необходимо почувствовать атмосферу во

время богослужения, а третьим достаточно лишь взгляда на икону. Ты просто потерял веру. Одним из простейших способов признания Богу является молитва. Она помогает почувствовать душевное равновесие и взять под контроль свои чувства. Возьми молитвенник из церковной библиотеки, читай каждый вечер по одной молитве и помни, Господь не может дать крест и не дать сил.

– Спасибо, святой отец, до свидания.

– До свидания, Джон.

На следующий день я раздобыл для себя "молитвенник для заключенных", а еще через день был замечен за его прочтением своим соседом по койке – Славой Карповым. Он подошел ко мне с вопросом по английскому языку, но увидев, чем я занят, отложил вопрос на потом, недоумевая " что это на меня нашло". Справившись о моем здоровье, он стал докапывать меня, пока я наконец не оговорился, тем самым выдав, что со мной что-то происходит.

– Нет уж, ко врачу я точно не пойду – ответил я и был вынужден объяснить, почему. На следующее утро после этого объяснения я попал в надзорку. Короткая беседа в присутствии обоих врачей (Андрея и Юлии) и вот я, уже облаченный во все белое, обнаруживаюсь в тесной пятиместной надзорке с еще двумя шизиками. Слава, увидавший меня на новом месте, стал клясться и божиться, что он в этом не виноват.

– Скорей всего, кто-то нагрел уши и настучал – сказал он.

То есть – подслушал и пожаловался. Я ему поверил, но все же давать шанс развиваться дружеским отношениям, идущим вразрез сформировавшемуся вкусу и принципам общения – глупо и наивно, а результат не приносит ничего, кроме predetermined предчувствием подозрения разочарования и убеждения в силу привычек опыта и интуиции прекратить общение. Надеюсь, та роль, которую Слава сыграл в моем попадании в надзорку, будет его первой и последней, повлиявшей на мою судьбу. "Иначе Фродо просто не донесет кольцо до Ородруина"-думал я уже позже, после какого-то укола. Сознание прояснилось, внешние раздражители перестали беспокоить и я почувствовал доселе незнакомое мне умиротворение. Но, поднявшись в тихий час на прогулку (надзорку выгуливают отдельно), я ознакомился с побочными эффектами лекарства – вялостью, сонливостью и тяжестью в ногах.

В таком "полуовощном" состоянии я пробыл неделю и в итоге оклемался, но нахождение в надзорке, где только и делаешь, что лежишь, не стало для меня менее скучным. Неожиданно для себя я, словно ребенок, увидевший новую игрушку, стал радоваться каждый раз, когда накрывали на стол. Каждую ложку каши, кусок хлеба или глоток компота я смаковал, словно пищу из дорогого ресторана, не говоря уже о русском борще, жарком, или какао, которые подавались раз в неделю – казалось ничего вкуснее я вообще не пробовал. Всякий раз, когда выходил в туалет, на душе становилось спокойнее, кто-то обязательно что-то расскажет, подбодрит, или угостит конфетой, а прогулка – так вообще превратилась в праздник. Особенно, когда солнечно и безветренно, белое одеяло, покрывающее все вокруг, словно говорит: "Так сейчас везде" и каждый, отражающийся от застывшего снега, лучик, согревает напоминанием о том, что скоро все равно все растает и вскоре я вернусь домой.

Но все, чему я теперь радовался, только усиливало скуку в надзорке и к окончанию второй недели пребывания в "белой" палате я решил заговорить со своим новым соседом. Сначала Дрион – так звали паренька ближневосточной внешности – отвечал уклончиво и неохотно, но случайно в мою голову пришел вопрос, на который он решился дать развернутый ответ:

– А ты веришь в чудеса? – спросил я.

– Да, я верю во все, что мне говорит голос.

– И что он говорит?

– Если речь зашла о чудесах, то все, что он говорит – чудесно.

"Да уж, странный парень" – подумал я

– Ну, например?

– Однажды он сказал, что придет день и проснется Бернаддета для того, чтобы исполнить самое заветное желание каждого, кто будет присутствовать при этом событии – Дрион помолчал – но я вряд ли доживу до этого дня, а вот ты – можешь. Это произойдет двенадцатого февраля две тысячи пятьдесят восьмого года. И это будет последним чудом на земле. Я бы хотел, чтоб кто-нибудь попросил за меня. Мое заветное желание – чтобы боги перестали враждовать.

– А почему ты уверен, что умрешь раньше? – слова про вражду я проигнорировал, меньше всего мне сейчас хотелось разговаривать на эту тему.

– Он мне сказал – произнес Дрион и повернул голову в мою сторону. Я обратил внимание на радужную оболочку его глаз и впервые обнаружил свое внешнее сходство с другим человеком – она была такой же расцветки как у меня. Казалось, передо мной сидит немножко другой я, и что я не один такой на Земле. Ведь я тоже знал, когда я умру.

"To spend in pain twenty years on the earth" гласила одна из строчек пророческого стиха, увиденного мной в клубе ...

"Интересно, сколько еще людей считаются больными потому, что верят в то, во что не верит большинство, или потому, что большинство ни во что не верит? И неужели вера, как таковая, бесполезна или, может, даже вредна? Но если так, то чем бы получается стало человечество если б мнение большинства было бы мнением меньшинства? Психосоциумом, как в песне slipknot'a? Стало бы это означать, что его мнение вредно? Только не для него самого. А значит и вера таких (больных) людей как я совершенно безвредна. Ведь даже в газетах пишут, что если взять статистику, то психически больные, в основном, попадают в больницы, выкидывая безобидные шутки из-за того, что их вовремя недопоняли.

Между тем, отсутствие паранойи не говорит о том, что за тобой никто не следит, так почему бы всем не признать, что хотя бы чуть-чуть, но верят. Верят в невероятное, в потустороннее, в неправдоподобное. Так на всякий случай. "

Думал я далее, не получив вразумительного ответа от Дриона.

Вечером перед отбоем я прочитал молитву:

Господи, наверное, я был эгоистом, думая, что девушка-ангел создана, чтобы быть вместе со мной одним. Я не взял в расчет, что она, наверное, охраняет и других людей. Пожалуйста, прости и, если можешь, продли мою жизнь.

Вот так ко мне вернулась мечта встретиться с ангелом, но теперь я мечтал отчаянно, не всерьез .

На следующий день, двадцать первого декабря две тысячи двенадцатого года, должен был настать всеми ожидаемый, как бы это парадоксально не звучало, конец света. Но, конечно, ничего катастрофически нового с миром не произошло. Во всяких газетах и журналах, которые «беспалевно», то есть «незаметно» подбрасывал Илья, стали писать всякий бред, вроде "Апокалипсис произошел в наших умах, мы перешли грань и вступили в новую, темную эру " или " Был найден еще один, более точный календарь, майя рассчитанной еще на семьсот лет " и, возможно, это кого-то это и занимало, но не меня. Единственное, что меня действительно волновало – сбудется ли предсказание, которое я когда-то увидел на зеркале, а все остальные мысли превратились для меня в пустое сжигание времени, как и все, чем бы я теперь ни занимался.

Раз в неделю я обращался к Богу с просьбой оставить мне жизнь и не успокоился, пока мне не исполнился двадцать один год. То есть, на протяжении года и девяти месяцев.

По истечению этого срока я, к счастью, все еще был жив, но, к сожалению, все еще оставался в больнице. Время прошло быстро и однообразно, но все же нельзя сказать, что ничего особенного не произошло.

В начале января, спустя неделю после того, как меня выпустили из надзорки в отделении появился Володя Косенко. Он не был в больнице новеньким. Незадолго до моего прибытия он

ударил врача по лицу и его отправили за это в "двенашку". Пройдя интенсивное лечение, он вернулся, и неожиданно для всех выйдя во двор во время прогулки был встречен радостными возгласами и крепкими рукопожатиями. Его посадили за один стол со мной и во время обеда он, спросив мое имя, поинтересовался "буду ли я свой рассольник", увидев, что я брезгливо отодвинул его в сторону, принявшись сразу за второе. На вид ему было лет двадцать пять, не меньше. Высокий, среднего телосложения, с мелкими шрамами на лице и одним большим – на левой кисти, он сидел в пол-оборота немного ссутулившись – его ноги не помещались под столом. Но, судя по всему, ему было не привыкать к трудностям, представившись в ответ, он взял суп, который, мне казалось, было невозможно есть и стал расспрашивать меня о том, что изменилось в отделении за время его отсутствия.

Я предоставил ему целый список:

1. Создали режим курения и сигареты теперь выдавались поштучно;
2. Запретили носить собственные футболки;
3. Запретили физические упражнения;
4. Запретили шарфы;
5. Создали весовые ограничения на передачи, получаемые во время свиданий;
6. Запретили майонез, горчицу, кетчуп, соусы и прочие добавки к пище;
7. Запретили тетради, скрепленные пружинами;
8. Запретили носить часы;
9. Запретили хранить что-либо из твердых металлов, например, тубики;
10. Запретили заказывать кока-колу

О том, что были запрещены флеш плееры и что все эти запреты были делом рук новой заведующей ему было уже известно, только это похоже не произвело на него впечатления. Все, что он сказал: "Ясненько". "Наверное за последние десять месяцев в его жизни произошли изменения посерьезнее этих" – подумал я, и подытожил: "мир катится ко всем чертям, если человеку наплевать даже на такие условия жизни".

– Знаешь, каждый сходит с ума по-своему – оживился вдруг Вова, начав потрясывать в воздухе ложкой – кто-то бьет стекла, кто-то пьет шампунь, был тут один – даже кассету для бритвы проглотил, а ведь есть и те, кому зачем-то понадобилось за этим следить. Я считаю, что врачи уже давно забыли какими они хотели стать и что влияние, богатство и счастье, которых они хотели когда-то добиться, не имеет ничего общего с их нынешней жизнью.

Тут мне вспомнились слова Александра Александровича о том, что грань между сумасшедшим и нормальным человеком иллюзорна и я спросил, не его ли он ударил .

– Нет, Сан Саныч на редкость хороший врач , его не за что трогать .

– Значит, того, второго ?

– Кирилла Андреевича?

– Угу .

– Нет, хотя ему тоже стоило бы по морде надавать. Но давай об этом попозже, а то вон уже сигареты раздают.

Разговор продолжился после полдника на прогулке. Выяснилось, что он ударил дежурного врача, которого ему вызвали из-за плохого самочувствия. Он второй день плохо спал и стал ощущать странную боль, как он выразился - "будто что-то сжимает часть головного мозга", но дежурный не стал в этом разбираться и по-быстрому решил пристроить Вову в надзорку. Вова пристраиваться в надзорку не захотел. Врач пригрозил ему применением силы если он, то есть Вова, не пойдет в надзорку сам.

– Возможно, он и не понимал, что угрозы – это орудие тех, кто сам находится под угрозой, но в любом случае он не имел права так наплевательски отнестись к проблеме пациента – сказал он совершенно спокойно будто речь шла не о нем – К тому дню, когда мне стало плохо, срок моего пребывания в больнице подходил к трем годам, и я знал, что из-за надзорки я

пролежу еще минимум год, поэтому не думай, что я сделал это из злости или несдержанности. Просто я посчитал, что четыре года заключения – это не справедливое наказание за то, что я однажды оступился. Я просто не хотел сдаваться без боя.

Мне хотелось сказать, что я тоже не даю себя в обиду, но почувствовал, что это будет звучать как-то глупо. Ведь в поступке Вовы было что-то бунтовское, антисистемное, от него исходили решимость и уверенность в себе, которыми я похвастаться не мог. Из-за этого мне стало интересно как же он оступился?

Вовина история была достаточно необычной. Родился и вырос он в Москве, которую с удовольствием бы променял либо на Лондон, либо на Лос-Анджелес, была бы возможность... До того, как понял, что сходит с ума, он жил в одной квартире с родителями и младшим братом. Мать и отец ладили, работали впрок, обустроивали свое жилье и обожали своих детей, которых может, к счастью, а может и к сожалению, чрезмерно опекали. Его отец считал, что ребенок для родителей сначала является учеником, затем - помощником, а после – другом семьи, и когда в возрасте четырнадцати лет Вова получил паспорт, выяснилось, что он вырос до второго уровня. Ему стали давать больше денег, перестав интересоваться целями их расхода, перестали контролировать выполнение домашних заданий, перестали названивать каждые полчаса на сотовый, в общем, дали вздохнуть немного свободнее. Но в тоже время, его стали гнать на работу, да и нравоучения никуда не делись. Теперь отец вместо того, чтобы объяснять, что такое хорошо, а что такое плохо, вышел на новый уровень воспитания: "Скажи мне, кто твои друзья и я скажу тебе, кто ты; То, что я дал тебе волю, не означает, что твоя совесть может тебе все позволить" – говорил он. Так что, когда Вовины друзья примерно того же возраста начали баловаться алкоголем и травкой, он понял, что не может отвернуться не от них ни от своих родителей. Его стали мучить противоречия, и чтобы избавиться от появившихся проблем в общении с близкими он уселся за онлайн игры. Успеваемость снизилась, интересы поменялись, работать он так и не устроился, а клубок мыслей, в котором он так боялся запутаться, все рос и рос... И, возможно, он даже не стал бы пытаться его распутать, если бы не случай.

С шестнадцати лет Вова стал играть в одну определенную игру, по его словам, самую известную и интересную в истории игровой индустрии. Развивая свои навыки в виртуальном пространстве, он, не столько становился зависимым от компьютера, сколько от общения с другими игроками, как казалось, подобными ему самому, так что реальные друзья стали потихоньку отходить на задний план. На протяжении трех лет он жил словно на автомате: просыпался, играл, ел, играл, ел, играл, ел, играл, ел, играл, ложился спать, ну и в свободные минуты справлял нужду, а на мытье хватало сил отвлечься только раз в неделю.

В семнадцать он поступил в один институт, в восемнадцать – в другой и все время, пока в них якобы учился, он, заверял своих родителей и школьных друзей, которые иногда приходили его навестить, в том, что с ним все в порядке. В общем, вешал лапшу на уши и кормил обещаниями, пока не познакомился в игре с одной девушкой. В течении лета две тысячи восьмого года, когда ему почти исполнилось двадцать, он ежедневно выделял время для новой подруги на всевозможную помощь и общение. И вот, в конце августа, виртуальная подруга, собиравшаяся вернуться к учебе, предложила познакомиться в настоящей жизни. Для Вовы это было как удар молота по голове, ведь он уже и помнить забыл, что такое настоящая жизнь. Он посмотрел фотки, которые она выложила в сети, и на свое отражение в зеркале... Сразу стало понятно: такой дохлый истрепанный игроман явно не пара такой красотке, сколько бы добра он не сделал для нее онлайн. Из-за самолюбия, которое сколько б мало его не было, всегда перекрывает отвращение к себе, веры в лучшее будущее и с помощью недюжинной силы воли Вова решил перевернуть свою жизнь. Его план был прост на словах, однако, оказался трудным в исполнении. Оставив друзей, как виртуальных так и обычных, и отпочковавшись от родителей, которым несмотря на то, что был дорог, он успел уже поднадоесть своим бездельем, Вова поспешил переехать в завещанную ему квартиру. Раньше она принадлежала старикам, в

частности, его деду, поэтому и мебель была в ней устаревшей, не такой, какая приходилась ему по вкусу. Она создавала какой-то дискомфорт, напоминая ему о стариках и потенциальной старости. И, хотя с материальной поддержкой по-прежнему заботливых родителей можно было спокойно себе существовать, он, несмотря на характерную ему самодостаточность, предъявлял себе совсем не скромные запросы. Воле хотелось почувствовать прежний вкус простой жизни, и теперь, как он считал, для счастья ему нужны машина, дача, евроремонт, красивая любящая жена и пара здоровых отпрысков, в которых он сможет реализовать свой собственный потенциал. И, конечно же, для всего этого Воле были необходимы деньги. Тех, что он стал зарабатывать, устроившись продавцом в обувном магазине и тех, что он получал от родителей, хватало впритык на еду, жилищно-коммунальные платежи, оплату городского транспорта и учебу, которую он возобновил, поступив в очередной институт. Поэтому уже через месяц его начал сводить с ума внутренний конфликт между его потребностями и возможностями. Свобода, которую он получил, раньше представлялась ему совсем не такой – зависящей от терпения и толщины кошелька. Он хотел получить все, что нужно и как можно скорее. В итоге жадность сыграла с ним злую шутку. Сперва он начал подворовывать в мелких магазинчиках, а затем взял большой кредит в банке, который собирался возвращать путем подлой аферы. Он задумал заселять жильцов во вторую комнату и не впускать их на следующий день после оплаты. Несколько раз все прошло гладко, ведь он уговаривал съемщиков оформлять договор на словах. Но в итоге у него начало рвать крышу из-за большой суммы денег на руках, и он начал мечтать о собственном бизнесе, не зная с чего начать. В итоге, сумасшествие началось с того, как он пришел к мысли: стоит ему что-то представить – и это случится. Необязательно с ним, не обязательно в ближайшем будущем, но обязательно так, что он об этом узнает. Его воображение стало переигрывать окружающую его реальность. Убежденный, что познал одно из величайших таинств бытия, он начал постоянно думать о красивой жизни: о дорогих машинах, о собственной яхте, большом особняке, путешествиях по миру на личном самолете... и в скором времени он потерял работу, перестал посещать лекции, оставшись мечтать в одиночестве, забытый друзьями и отвергнувший помощь родителей.

Под конец осени все того же две тысячи восьмого года, стены одиночества стали давить на него, но сам Вова не понимал, что с ним что-то не так. Испугавшись злых духов, которые якобы начали слетаться к Воле в квартиру, чтобы сбить его с намеченного пути, он внезапно покинул свои апартаменты и пустился гулять по городу. В течении недели он бродил по неизвестным дворам и паркам, улицам и набережным, мостам и площадям, отсыпаясь где попало. По сути, он ходил куда глаза глядят, но ему чудилось, что им кто-то управляет. Некто не видимый, некто, имеющий власть над людским родом, некто, создавший его.

Вова почувствовал себя вымышленным персонажем невероятно правдоподобного симулятора жизни, в который играли более совершенные существа, уставшие, как и он когда-то, от реальности. На восьмой день, вместо того чтобы слоняться по округе, Вова вернулся домой обглаживать эту тему: "Наверняка этот мир не настоящий, но как тогда попасть в реальный мир? Может, я был рожден не из чрева матери? Может, мои родители, друзья, та девушка пришедшая свои фотографии, да и я сам – просто хорошая компьютерная графика? Да и хорошая ли она? Откуда мне знать?" – думал он про себя, а как стало смеркаться – отправился искать ответы на улицах Москвы. Выйдя из подъезда, он почувствовал чье-то присутствие за спиной и почему-то решил, что если идти все время вперед не оборачиваясь, то этот некто его не тронет. И так, практически не сворачивая, он к часу ночи, пришагав в какой-то темный закоулок, услышал звон разбившейся бутылки. Вова не выдержал и обернулся. От увиденного он попятился назад: на него надвигался какой-то отморозок с розочкой в руке. На кармане у Вовы было около четырех тысяч рублей и отдавать их он не собирался. Завязалась драка. Отморозок разбил остатки бутылки о левую руку Вовы и, получив серьезных люлей, остался валяться на асфальте, после чего дерущихся обнаружил человек при исполнении.

– Мог бы и убить ненароком, но, слава Богу, обошлось, когда меня проверили на вменяемость, я понял, что мент был на подстраховке у этого отморозка – заканчивал рассказ мой новый приятель, чтобы посмотреть в глаза которому мне приходилось поднимать голову – мне светило до четырех лет за средние телесные, ведь доказать самооборону в России практически невозможно и если б мать не пошла со мной в ПНД и не наговорила обо мне всякой всячины, я сейчас сидел бы в тюрьме. Что и говорить, я неплохо засрал свою жизнь, как своим бездействием так и поступками. Мораль и трагедия моей истории в том, что проблема, которую я увидел в себе из-за осознания своей ничтожности – это не война, и ее нельзя решить, бросив на это всевозможные средства. Ведь сколько бы денег и я сил я не вкладывал, чтобы скрыть свой комплекс неполноценности, я все равно не понравлюсь той девушке, таким, какой я есть. Потому, что она уже будет видеть другого человека. Я слишком сильно увлекся конструированием собственного образа, который не имел ничего общего с моей реальной личностью. Ведь я простой парень из Москвы и сам, по идее, должен быть проще. Но, знаешь, мне пол жизни говорили: "Подрастешь, будешь смотреть на вещи по-другому", а я всегда знал, что этого не произойдет, потому что никогда не смотрел туда, куда смотрят все остальные. Я с малых лет хотел стать исключительным и независимым, но, если б я в какой-то момент не потерял себя, я так бы себя и не обрел: Теперь я пишу книгу и у меня вроде неплохо получается, а когда она будет закончена – меня вряд ли можно будет назвать простым парнем. Так что мое мировоззрение не поменялось. Поменялась только стратегия жизни. В то время как раньше я думал: "Если не сделаю ничего необычного в своей жизни, то проживу ее зазря", то теперь я говорю себе: "Главное – не одержать победу, а максимально развить мастерство". И, мне кажется, я понял, что надо и что не надо для этого делать.

Первое время после возвращения Вова пребывал под впечатлением, оставленным строгим режимом. Ему было необходимо выговориться, и я, стараясь отнестись к этому с пониманием, предоставил ему для такой возможности свои уши. Он рассказывал о том, как персонал издевается над больными, бьет, орет на них еще чаще и громче, чем в этом отделении. О том, как больных с повышенной температурой продолжают колотить и выгонять на улицу, пока состояние не станет критическим. О том, что с глупыми больными вообще не считают. Заболит ли у них живот или появится насморк, скажут: "Ничего страшного, пройдет" и будут таковы. О том, что санитары приходят нетрезвыми на работу. О том, как некоторые становятся "обиженными", прибегая к однополым связям. О том, как приходится спать на простынях с пятнами от ссанины. О том, что в день выдают даже не двенадцать сигарет, как в этом отделении, а всего шесть. Он рассказывал о суровых условиях строгого отделения так, будто уже выписался из больницы.

– Единственный плюс – говорил Вова – в двенашке не приходится выслушивать нытье старух с их устаревшими понятиями о порядке и справедливости. Всего вот этого абсурда, вроде: "Им сколько не говори, они все равно не понимают" или "Мы столько жизней спасли, а они, неблагодарные, так к нам относятся" – процитировал Вова гнусавым голосом – там нет. Там, если кто кого не слушает, в лучшем случае будет облит матом, в худшем – получит по лицу или укол галоперидола кубов эдак восемь. Вообще, здесь отношения с персоналом по накалу страстей можно сравнить с бразильским телесериалом, в то время как двенашка – скорее психологический триллер. Хотя по жанру мне больше нравятся триллеры, сниматься в нем вновь у меня нет никакого желания.

Разговоры о двенашке продолжались до февраля, а в первых числах этого же месяца меня навестила мать, которую я не видел аж с ноября. На столь долгий перерыв у нее были свои причины, но больше меня интересовало, о чем она разговаривала с Александром Александровичем и почему не рассказала мне об их диалогах сразу?

– А я ни о чем и не разговаривала с ним – сказала мама – с чего ты взял?

Уличать мать во лжи у меня не было никакого желания, ведь она всегда была так добра ко мне и, насколько я помню, никогда не действовала мне во вред, поэтому я просто сказал: "Да не, ни с чего, не бери в голову" и сменил тему. Правда вопрос все равно остался открытым, и я при первой же возможности поинтересовался у Вовы, что он думает на этот счет.

– Да не парься – ответил он – возможно, твоя мама рассказала что-то такое, в чем стесняется признаться и соврала.

– Как же не париться, если это может повлиять на отношение врачей ко мне, а, значит и на выписку. Вон твоя мать что-то про тебя рассказала и этого было достаточно, чтобы тебя положили в психушку. А что моя мать может обо мне рассказать, я даже боюсь подумать.

– А тебе есть, что скрывать?

Я задумался.

– Послушай – сбил он меня с мысли – главное, чтоб твоя мать, она ведь у тебя опекун?

– Да она.

– Главное, чтоб она была согласна следить за тобой на воле, а остальное – не важно.

Ведь выписка зависит не столько от врачей, сколько от удачи. Я лично был свидетелем того, как мужика с двойным убийством выпустили через три с половиной года, один педофил тут с шестью эпизодами за четыре ушел, а ведь бывает и за голимый косяк с травкой шесть лет держат, так что делай выводы – Вова почесал пальцем правую бровь, немного помолчав – Да, попасть сюда легко, а вот выйти – сложно. К слову я заметил, что парадные ворота в больницу узкие – легковушка еле втиснется, а служебные – широченные, можно стометровку успеть пробежать, пока они закрываются. Мне, кстати, не раз приходила мысль смыться таким образом, только ведь поймают, отправят на спец интенсив, а потом заколют еще сильнее, чем в двенашке, – остановившись под деревом после очередного прогулочного круга, мой собеседник закурил сигарету. – С того момента, как тебя признают больным, врачей уже не интересует, чем ты руководишься в своих действиях, если преступаешь закон, в любом случае будут лечить. А ведь для многих лечение превращается в мучение, конечно, не без участия врачей, но все же стоит бояться скорее себя и своей болезни, чем их или собственных родителей – Вова сделал паузу на две затяжки и продолжил – В целом, по слухам, в этой и подобных больницах все становится только хуже и хуже. Выписывают реже, режим становится строже, все больше экономят на нашей кормежке, на препаратах, на ремонте, а ведь этой психушке уже более ста лет, не будет же она стоять вечно... Что ты на этот счет думаешь, а, Джон?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.